
Юля Сергеевна
Лярва
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Юля Сергеевна

Лярва

«Автор»
2026

Сергеевна Ю.

Лярва / Ю. Сергеевна — «Автор», 2026

Я, автор, настоятельно рекомендую Вам закончить чтение на этих же строках если Вы морально неустойчивы или имеете адекватную человеческую жалость к детям и/ или животным.

© Сергеевна Ю., 2026
© Автор, 2026

Юля Сергеевна
Лярва

Все персонажи и события с ними происходящие рождены фантазией автора.

Любое совпадение с реальностью совершенно случайное.

Я, автор, настоятельно рекомендую Вам закончить чтение на этих же строках если Вы морально неустойчивы или имеете адекватную человеческую жалость к детям и/ или животным.

Папе и маме.

1

Процесс мытья самого младшего члена семьи на сон грядущий всегда был ярким, громким и запоминающимся. В этот же день то ли Луна жопой повернулась, то ли буря какая магнитная случилась, то ли Венера в ретрограде, то ли Нептун в Стрельце, то ли утка в яйце, но достиг он совершенно эпического размаха.

— Лезь в ванную, чума болотная! — уже орала мать неблагим матом и пихала дочь в воду. — Что ты упираешься, свинья? Вонючка! Что тебе вечно не так?! Чё ты орёшь?! Чё? Чё тебе надо, овца?

— Воооооода!!! — орала девчонка. —Горячая!!!

— Нормальная вода!!! — визжала мать. —Лезь!!!

— Горячо!!!

— Лезь!!! Кому сказала?! —мать врезала подзатыльник и крикнула вглубь квартиры, — Ты вмешаешься, может?! Ты видишь, что я не справляюсь уже с ней?! Твоя дочь свинья! Каждый день скандал за это мытьё, а тебе и дела нет! Скажи ей!!!

И примчал отец.

— А ну слушай мать, свинья неблагодарная!!! Её моют, а она ещё и упирается! Спасибо нужно сказать родителям за заботу! Лезь бегом!

И по случаю бОльшей физической силы, чем у матери, схватил дочь за руку и волосы, поднял и сунул в ванную всем телом, она же заорала во всю глотку и, вывернувшись, вывалилась из ванной на пол, оставив у отца в руках порядочный клок волос.

Представление продолжалось уже добрые полчаса и в дверь позвонили. Мать пошла открывать, пока отец остался в ванной с дочерью, захлёбывавшейся слезами.

— Ой, да нормально всё у нас. Это мы купаемся. Воду не любит хоть убей. Всё хорошо. Не волнуйтесь. Воспитательный процесс.

Дверь захлопнулась и мать вернулась.

—Ах, ты ж лярва… — прошипела она. —Ты нас на весь дом позоришь своим визгом… Тебя здесь режут, что ли, на куски живьём?! Уже соседи приходят!

— Я её сейчас отлуплю! — снова заорал отец и в бешенстве оторвал шланг от стиральной машины.

Били и до этого дня, но жёсткой резины ребристым шлангом впервые. Лярва орала и пыталась уворачиваться, но силы были очень неравны и обжигающая боль доставала то руку, то спину, то живот. А потом холодный пот, звон в ушах, темнота в глазах и настал спасительный обморок.

Отец вздёрнул дочь вверх, снова сунул в ванну и она пришла в себя уже захлёбываясь. Горячая вода заливала рот и нос, орать было невозможно и Лярва забилась в первобытном страхе утонуть. Отец снова наподдал подзатыльника и надавил на плечи, удерживая в воде, а мать начала лить вонючий- превонючий шампунь «Дюймовочка», который нещадно выедал заплаканные глаза. Естественно, что всё это происходило не молча.

— Тварь такая… — приговаривала мать. — Дрянь просто какая-то… Сколько нервов на неё надо?! Помойся ты, да иди своими делами занимайся. Чё орать как резаная? Рожа твоя поросячая…

Потом скребла мочалкой с мылом по кровавым после шланга полосам, смыла душем и выставила из ванной, накинув на плечи полотенце.

Предстояла следующая часть воскресной экзекуции. Ногти. Стрижка ногтей. В самое мясо.

Мать зажала Лярву между спинкой кровати и своей спиной, вытянула её ногу впереди себя и начала кромсать. Дочь уже и не отбивалась, и молчала, охрипшая после купания, только дёргалась, когда было особенно больно, но тут же получала материным локтем тычок под рёбра:

— Да задолбала уже!!! Сиди ж ты спокойно!!! Надо коротко обрезать, чтоб глистов не было! Ты ж хватаешься за всё подряд! В песке роешься! Вечно ж руки недомытые и ты их в рот тянешь! Глисты будут по метру если не обрезать под корень. Позор какой будет если в саду глистов найдут.

Утром Лярва не могла встать с кровати. Всё тело болело. Но нужно было собираться в детский сад.

— Да встанешь ты сегодня или нет?! — орала уже с утра мать. Вздёрнула дочь из постели, посадила и швырнула в неё колготки. — Одевайся уже!!!

Ох, уж эти хлопчатобумажные колготки 80-х годов… Коричневые, серые — каждодневные, красные и белые— парадные-нарядные для особых случаев. И те, и другие уже через 15 минут после надевания пузырились на коленях и сползали с попы, потому как вдетая резинка не держала ни черта и приходилось их постоянно подтягивать. А ещё эта резинка иногда рвалась, конечно, в самый неподходящий момент и каждый советский ребёнок умел вытянуть её концы и завязать узлом. В рубчик, плотные, слипшиеся после стирки и сушки, их очень трудно разодрать детскими пальцами, а особенно больно, когда накануне не оставили ни одного целого пальца в процессе маникюра. Страшное изобретение. Зато ж натуральные. Без синтетики. Очень полезно детям. Ещё были такие же гольфы, но те ж хоть короче — единственный их плюс. По уродству и неудобству не уступали.

Лярва дотянула это пыточное средство до колен и заплакала.

— Да сколько ты ещё будешь собираться, растрёпа ж ты никчёмная?! Можно побыстрее! Почему тебя, дочь английской королевы, ждать должны?! — снова заорала мать, вбежав в комнату и включив верхний свет. Бросила взгляд на дочь и ахнула, закрыв рот рукой.

— Серёж… — позвала она, в комнату пришёл отец и они вдвоём смотрели на заплаканную дочь.— Её нельзя в сад вести… Глянь… Она же вся синяя…

— Ну, да… Странно… — выразил удивление отец. —Несильно ж бил… А сколько синяков…

Действительно, очень странно. Тридцатилетний мужчина бил четырёхлетнего ребёнка шлангом по мокрому телу. Лопнувшие капилляры и мелкие вены. Горячая вода и мочалка добавили красок подкожным кровоизлияниям, окружавшим ссадины. Что называется — места живого нет. Целое только лицо.

Родители ушли совещаться в кухню.

— Ты понимаешь, что её нельзя вести в сад?— спрашивала мать.

— Понимаю!— отвечал отец.— А куда её девать?! Нам на работу нужно ходить.

— Ну, а какие варианты? Давай на Южную отвезём?

— Сейчас и мать спросит что с ней случилось…

— А что делать? Давай… В сад всё равно нельзя. И дома одну не оставишь.

Совместными усилиями и подзатыльниками одели дочь, упаковали в коричневое пальто до колен, с вышитой на кармане ёлочкой, шапку дополнительно придавили капюшоном и шарфом, варежки на резинках, чтоб не терялись, сапоги и ребёнок превратился в туго увязанный сноп. Упехтеренная так, что упадёшь и сама не встанешь.

Путь на улицу Южную лежал через парк культуры и отдыха имени Горького. Родители шли впереди, о чём-то говорили и смеялись, Лярва топала сзади и смотрела по сторонам.

Красивые заснеженные деревья, покрытые инеем, переливающимся на тусклом солнышке, лавочки, заборчики и аттракционы, протоптанные в снегу тропинки, потому как парк соединял две части города, через него было ближе всего многим на работу, учёбу и по своим личным делам, но никем никогда не чистился, сыпался лёгкий снежок и был мороз.

На самом выходе из парка, в небольшом естественном овраге, дети постарше организовали ледяную горку с которой весело катались на коротких лыжах и санках. Визжали, хохотали, взбирались вверх и стремительно скатывались вниз.

Папа с мамой поднимались вверх под ручку, иногда поскальзываясь, поддерживая друга друга и тоже смеялись при каждом неудачном шаге, грозившим падением, скоро поднялись на самый верх, остановились и оглянулись на дочь, которая барахталась в самом низу.

— Поднимайся! — прокричала мать.

Лярва пыталась это сделать, но на накатанной горке было очень скользко и она снова и снова падала, догадалась отойти чуть в сторону, на снег, и встать на ноги, но снег был глубоким и рыхлым, почти до её пояса и идти по нему было трудно. Особенно в намокшем пальто, вверх и когда каждая клеточка тела отзывается болью на любое движение. Лярва поползла практически на животе и мигом вспотела.

— Ты можешь быстрее идти?!— орали сверху родители и хохотали. — Давай! — подбадривали дочь.

И Лярва ползла.

— Глянь какая она неуклюжая!— закатывалась хохотом мама, сгибаясь пополам и хлопая себя по коленям. — Ползёт как клоп! Медведица толстожопая!

Папа хохотать тоже не отставал, догадался лепить снежки и кидал вниз, целясь в дочь. Иногда попадал. И дети вокруг тоже приняли такой формат развлечения, весело смеялись, тоже кидали снежки и улюлюкали.

Лярва уже преодолела две трети пути, как девчонку, катившуюся с горки занесло на санках и она сбила её с ног и Лярва, скатившись, снова оказалась в самом низу. Но по пробитой уже дороге подниматься было чуть легче. Перед самым верхом отец протянул дочери руку.

— Давай руку! Чучело невдалое! Сто лет тебя ждём!

И дочь руку не приняла.

Эта маленькая, для больших и сильных, высота была взята.

На улицу Южную, к бабушке с дедушкой, родителям отца, Лярва пришла совершенно измотанной и зайдя в дом свалилась сразу на веранде.

— Гля, актриса! — вытаращила глаза мать.

— Что это значит?— вместо «здрасьте» спросила бабушка.

— Характер показывает! — пояснил отец.— На горку не могла залезть, с которой все нормальные дети катаются, а скатившись, обратно с санками взбираются! И думала, что её, как принцессу, на руках понесут! А пришлось самой идти! Вот и делает вид, что устала очень!

— Ладно. — согласилась бабушка.— А почему не в саду? Что вы вообще здесь все делаете? Вы почему не на работе? Юля заболела?

— Нормально всё. Пусть она у вас побудет. — сказали почти дуэтом родители, мама перешагнула через лежащую на полу дочь и убежали по своим делам.

2

Бабушка Лида вставала раньше всех, около 5 утра и первым делом, в холодное время года, растапливала печь и открывала по всему дому духовки, чтобы тепло живого огня равномерно расходилось по ещё спящему дому и проснувшемуся семейству было уютненько. У Юли была самая дальняя и самая маленькая спальня в которой помещались только кровать на металлической пружинной сетке, да лакированный шкаф, который шифоньер и, конечно, обязательный узорчатый ковёр на стене. Как бы не хихикали по поводу советских ковров, но они выполняли и важные функции, кроме подчёркивания материального достатка семьи, а именно — тепло- и шумоизоляцию от внешнего мира.

Юля тоже была ранней пташкой и выбравшись из-под пухового одеяла, как была в хлопковой ночнушке в бабочку и с растрёпанной косой, пришла в прихожую, по совместительству и кухню, и столовую.

— Доброе утро, ба.

— Доброе! —сразу же откликнулась бабушка. Она уже вымешивала дрожжевое тесто, отряхнула над столом руки, вытерла их о фартук, прижала локтем голову внучки к своему боку и поцеловала в макушку. — Хорошо спала? Я не мешала тебе? А то и печь топила, и на веранду бегала…

— Нет.—помотала отрицательно головой Юля.— А что из теста делать будем?

— Ватрушки. Дедушке с творогом, а тебе с повидлом. Будешь с повидлом?

— Буду с повидлой! — улыбалась уже Юля, любившая выпечку и ненавидевшая творог в любом виде, а уж садиковскую запеканку называла не иначе, как «тревожная запиханка», слово «тревожная» было ещё не очень понятным, но прекрасно подходило по своей звуковой тревожности и к слову «творожная», жила в уверенности, что ни один человек в здравом уме и трезвой памяти по доброй воле ЭТО есть не будет. Семья, правда, не оставляла попыток внед-

рить этот ценный продукт в рацион. А. Хуже тревожной запиханки была только подгоревшая тревожная запиханка и Юля чувствовала её тревожный дух еще на подходе к детскому саду.

Юля подсела к столу и бабушка привычно подала кусочек теста внучке на расправу. Получалось не очень. Особенно в сравнении с бабушкиными произведениями кулинарного искусства. Пока Юля слепила своих три кривеньких и косеньких то ли пирожка, то ли ватрушки, уляпавшись повидлом, бабушка сделала всё остальное и сунула в духовку.

— Давай чистить зубки, умываться, заплетаться, а там и выпечка подойдёт к завтраку.— распланировала ба ближайшие полчаса.

Зубная паста «Чебурашка», зубная детская щётка с натуральной щетиной, которая периодически высыпалась и застревала в зубах, тёплая вода в умывальнике для умыться и она же в маленькой милой кружечке с нарисованным ёжиком для прополоскать рот после пасты. Заплели косу и в дом вошла бабушка Надя. Точнее, прабабушка, мама бабушки Лиды. Полная, уже седая, всегда в платочке и с выразительными серо- зелёными глазами в обрамлении чёрных- пречёрных ресниц.

— Добренькое утречко! Лидочка, а я тут яичек свеженьких вам принесла. — и выставила на стол кастрУльку (так она и говорила), выстланную газетой и наполненную куриными яйцами. — Юлечка любит омлетик. Забегайте сегодня. Лидочка, первое не готовь сегодня, я буду борщ варить. И котлет изжарю.

— Ага, мам, хорошо. Минуточку посиди, я вам сейчас с отцом ватрушек свежих положу.

И засуетилась, складывая ватрушки в тарелку, накрыла салфеткой и завернула в полотенце.

— Не успеют остыть!

Юлины бабушки жили двумя семьями и двумя домами в одном дворе. Между домами был сад, виноградник и грядки. По выложенной самодельной плиткой дорожке бежать было меньше минуты и члены семьи круглосуточно перемещались по территории, обменивались натуральными продуктами, носились кастрюли и сковородки, вёдра и тарелки. Домашние дела делались сообща и дружно.

Завтрак у бабушки всегда был очень вкусным. Омлет, с молоком, содой и мукой, бабушка хитрым образом жарила и в процессе же жарки сворачивала, он лежал красивой, румяной и ароматной розой в тарелке; чёрный чай с лимоном и коричневым сахаром- сырцом (такой был только у бабушки) с вкуснейшей ватрушкой. Ещё бабушка любила сыпнуть немного сахара прям на печь, он карамелизовывался, потом сгорал и во всём доме пахло уютом и спокойствием.

Позавтракав и походив из угла в угол, Юля засобиралась к бабушке Наде.

— Ба! Я к бабушке!— отчиталась Юля, натянула на домашнее платье дедушкину куртку по пятки, сапоги на босу ногу и помчалась.

— Ба! Я к тебе! — кричала уже в другом доме.

— Хорошо-то как!— всплеснула руками бабушка Надя. — Ты почему без шариварей? Куда Лида смотрела?

— А она не видела!— рассмеялась Юля.— Она посуду мыла!

«Шаривари». Шаровары, то есть. В лексиконе бабушки Нади— абсолютно любые штаны, от классических брюк до детских ползунков. Как и черивички— абсолютно любая обувь.

— Ты сказала, что ко мне пошла?— спросила бабушка, но уже в пустоту, потому как внучка унеслась в столярную мастерскую прадеда Ивана.

— Дедушка! Я к тебе! — только распахнув дверь столярки закричала Юля.

— Ты правило помнишь? — сразу, не здороваясь, спросил он.

— Помню!

Дедушка Ваня был фронтовик, всю Великую Отечественную войну провёл с оружием в руках, защищая нашу Родину и гнал фашистов по самый Берлин. Высокий, худощавый, седой и голубоглазый.

Правило в столярке было одно. Простое и непреложное. Ничего не трогать. И всё. Внучка была очень активной и подвижной, а в мастерской было чем укалечиться в доли секунды, а дедушка не хотел ни травмы внучке, ни своей смерти от руки бабушки, которая бы непременно дедушке, не уследившим за кровиночкой, её скоропостижную бы и организовала.

— А что ты делаешь? — спросила Юля.

Дедушка делал мебель. Всё в доме было сделано его руками. Красивое, резное, лакированное! Полный восторг от ощущения гладких поверхностей. Юле очень нравилось прикасаться к этому великолепию, хотя, может быть бабушке и не очень нравилось протирать следы от детских пальцев. Но про это внучке было неизвестно.

Сегодня ждал сюрприз.

— А вот смотри что делаю!— и дедушка подал с верстака шкаф. Игрушечный! В высоту сантиметров 30, уже вскрытый лаком и замечательно пахнущий деревом! Он закрывался на изящную защёлку и был немедленно открыт счастливой внучкой. А внутри этого шкафа обнаружились вешалки! Совсем как настоящие! И на них можно было бы вешать кукловые платья! От восторга захватывало дух!

— Ухтыышееееечка… — протянула Юля и заметила чуть дальше по рабочему столу свою куклу Свету. Советскую куклу со светлыми и кудрявыми волосами, когда её кладёшь на спину, то закрывались глаза с длинными пластиковыми ресницами и кукла говорила: «Мама.»

Юля вопросительно посмотрела на деда. Немногословный дед усмехнулся и подал внучке игрушечную кровать! Точно по размеру куклы!

— Спасибо!!!— завизжала внучка и обхватила деда докуда доставала. Тут же сгребла всё своё сокровище в охапку и понеслась к бабушке.

— Баааааа!— снова орала Юля уже в доме.—Гля! Дедушка что сделал!

— Да ты что?— улыбаясь, удивилась бабушка. —Сам сделал? Прям сам? Может, на заводе сделали? А он купил и сказал, что сам?

— Неееет! — возмутилась внучка наглому поклёпу на деда.— Сам! Он и здесь всё сделал! — развела руками по сторонам. — И стол, и стулья, и умывальник, и вот это, и вон то, и здесь, и тут! (слово «этажерка» ещё было неизвестным, как и «корпус настенных часов с боем», «подставка под патефон» и прочее). И дом этот он сам построил! И тот дом! И деревья все он посадил! И не обманывает он никогда!

— Не может быть!— рассмеялась бабушка, прожившая с дедушкой на тот момент добрых 50 лет.— А вот смотри что у меня есть.

И снова сюрприз— матрас, тёплое одеяло, подушка и постельное бельё для куклы Светы! Надо ли говорить, что идеально подходящее к кровати, сделанной дедушкой?

— Баааааааа!— снова визжала внучка в восторге и начала устраивать кукле Свете постель. — Свету ж забыла!

И снова унеслась к дедушке в столярку.

— Дедушка! Я Свету забыла!

Дед улыбаясь и молча подал куклу и Юля побежала снова в дом.

— Ба! Я к бабушке! — крикнула в дверях, но была поймана за воротник куртки.

— Нет, уж. Поешь, а потом пойдёшь. Не ребёнок, а буря в стакане. Точная юла! И пока рот занят, помолчишь чуток.

Не тут- то было. Юля жевала вкусную котлету, запивала компотом, дрыгала ногой под столом, оглядывалась по сторонам и говорила:

— Ба! Эти шторы знаешь на что похожи?

— На что?

— На борщ!

— Господи-божечки… Святые апостолы… Какие же шторы могут быть похожими на борщ?— удивилась бабушка.

— Вот этот борщ, который зелёный. С вон тем, что вот тут растёт возле дома по за над маленьким забором рядом с баней.

— Щавель?— предположила бабушка.

— Да, он. Кислый. И зелёный. И когда сметану ложишь, то получается как штора. Зелёное и белое! И не очень зелёное, и не очень белое, и даже чуть-чуть почти жёлтого, но не жёлтого, а почти коричневого… Вот сваришь и посмотри в тарелку и на штору! Я всё. Я побежала!

— Чудной ребёнок… — тихо сказала бабушка и громче добавила.— С тобой пойду, Лиде отнесу котлеток, а то ты сама всё своё добро, пожалуй, не допрёшь.

Собрались и пошли к другому дому.

Потом Юля хваталась куклиной мебелью и постелью, снова обедала, послеобеденный сон бабушка считала важным, но и внучка особо не сопротивлялась, потом был полдник ватрушками с тёплым молоком под мультфильм про доктора Айболита.

А к 18.00 домой приходил дедушка Вася.

Невысокий, крепко сбитый, всю жизнь занимавшийся спортом, с густой седой шевелюрой. Они с бабушкой были красивой парой и по молодости, и на тот момент. Бабушка миниатюрная черноглазая и черноволосая Дюймовочка. Папа рассказывал, что когда они начали седеть, то красили волосы вдвоём. Но Юля этого не видела, а дедушка отрицал. Дедушка Вася, будучи очень активным человеком, не мог спокойно сидеть на пенсии и продолжал работать по одной из своих специальностей— электриком в кафе «Колосок» где готовились самые вкусные на свете молочные коржики! С ними дедушка и приходил домой, когда гостила внучка.

— Деедууушкааа!— снова орала Юля и неслась к деду. Тот присел на корточки и призывно раскинул руки:

— Обнимай!

Юля и вцепилась из всех сил в дедову шею.

— Болючка моя!— приговаривал дед Вася, прижимая внучку к себе.

Почему «болючка» —то кто уже знал, но это было синонимом фразы «моя большая-большая любовь», во всяком случае, Юля так её понимала.

Смеялись, обнимались, целовались, рассказывали как прошёл день и ужинали. Больше всех новостей, конечно, было у внучки.

Следующий день был похож на предыдущий и гарантированно обещал быть похожим на следующий после следующего.

— Юля, уже нужно выкупаться… И волосы помыть тоже… Когда мы это сделаем? — начала разговор бабушка, а внучка сжалась в комок. — Юль, давай завтра? Хорошо?

Внучка молчала. С предыдущего купания синяки ещё не попроходили, но болеть уже почти перестали. Соглашаться было страшно, но точно знала, что взрослые всё равно помоют раз собрались.

—Давай… —продолжала уговоры бабушка. — Я тебе обещаю, что всё будет хорошо. Ты же мне веришь? Я же тебя никогда не обманывала? Завтра? Да?

— Да.— согласилась Юля.

Настроение её было испорчено, не хотелось ни коржика, ни молока и она рано ушла спать, ну как спать, лежать, свернувшись клубком под одеялом с ужасом ожидая завтрашнего дня.

Удобств у бабушки в доме не было. Взрослые, по моде тех лет, ходили в общественную баню с парикмахерской в центре города по субботам, где парились, стриглись, делали маникюр, делились новостями и сплетнями, мужчины пили пиво и чего покрепче. Дома мыли только стратегически важные места или в случае необходимости, или невозможности посетить баню, в корыте. Для Юли досталось металлическое корыто и вода грелась в ведре на печи.

Юля с тревогой смотрела на конструкции для мытья и думала: «Из крана, вон, какая горячая вода течёт, а её потрогать можно и потом рука не болит… А здесь, вон, чего… Печка! Она же бывает красная, когда очень-очень горячая… Целая горячая печка! К ней же даже прикоснуться нельзя, чтобы не было больно и потом кожа не слазила… Больно было когда локтём зацепила… И вода будет такая же! Как в сказке про конька, который Горбунок, там царь сварился заживо… Как курица… И бабушка теперь кричать будет… И тоже бить…» Уже наворачивались слёзы в предвкушении мытья. Но час всё равно настал.

Под корыто бабушка простелила большое полотенце, а в него вылила горяченную воду от которой в жарко натопленном доме поднимался пар. Юля зажмурилась, потекли слёзы и молча начала раздеваться.

— Так. Я сейчас буду лить холодную воду, а ты ручкой попробуешь— хорошо тебе или нет? —сказала бабушка, стоя рядом с корытом ещё с одним ведром и начала подливать.— Ещё?

— Вот так.— сказала Юля и полезла сама в воду.

Купание прошло абсолютно спокойно золотыми руками доброй бабушки.

Юля, закутанная в махровую простынь, пила чай с мятой.

— Всё в порядке?— спросила бабушка.

— Да.

— Не горячо? Не страшно?

— Нет. Не горячо.

Утром приехал папа, привёз кое-какие вещи Юли и нарвался на разговор со своей матерью.

— Серёжа. Расскажи мне ещё раз что у вас произошло.

— Да ничего!— развёл руками папа. —Свинью мыться заставляют, а она не хочет! Уже ходит по неделе немытая, а всё равно ж надо! И со скандалом вдвоём моем! Орали весь вечер, что аж соседи уже пришли. Нервы сдали и надавал ей!

— Серёжа. Если с нервами нехорошо, то пей валерьянку. Или давай выпишем что-нибудь. А на ребёнка не смей поднимать руку. Она просто ребёнок! — начала заводиться бабушка от безразличного вида своего сына.— И вообще. Юля утверждает, что вы её моете в очень горячей воде…

— Да нормальная вода!— перебил сын мать, но не тут-то было.

— Для неё горячая. Понимаешь?! Для неё! Вы её моете, поэтому вода должна быть для неё нормальная! Когда будешь мыться ты, то набери себе такую, как тебе надо! А когда она моется, то пусть моется в какой ЕЙ надо! Сколько раз это повторить, чтобы ты запомнил?! И вообще! Она имеет право не любить горячую воду! Понимаешь?! Ты не любишь горячую еду и ешь всё еле-еле тёплое!!! И об этом все знают!!! И никогда не нальём тебе ни горячий, только заваренный чай, ни только что снятый с огня суп!!! Ни я, ни бабушка! И ещё! Ты здоровенный мужик! Как тебе пришло в голову поднимать руку на ребёнка? Я тебя била?! С чего ты взял, что так можно?! На ней места живого нет! Слава Богу, хоть не переломали ничего! Не родители, а изверги какие-то! У вас язык на что дан?! И мозг?! Чтобы договариваться! И это ваша взрослая роль— договариваться с ребёнком!

— Это в воспитательных целях было.— брякнул папа.

— Нет, Серёжа! Это издевательство над слабым, неспособным дать сдачи!

— Да, а что с ней делать?!— снова попытался гнуть своё.— Ни помыть, ни ногти не постричь, ни уши не почистить. Орёт, будто её режут!

— Я бы орала уже при приближении вас ко мне после таких издевательств. Ещё раз повторяю— не смей бить ребёнка.

— Да я её и не бил! — нагло соврал отец, забыв что говорил раньше.— Это Валя!

— Я не буду разбираться кто из вас. И с Валей ещё поговорю. Так нельзя. Понимаешь? Нельзя. Ребёнок при виде воды для купания сжимается в комок как побитая собака. А она и есть побитая. Мы вчера нормально помылись и сделали все гигиенические процедуры.

— Всё.— засобирался отец.— Я поехал.

— Нет уж, дослушаешь!— повысила голос бабушка и вставший, было, отец снова сел.— Я ей измеряю температуру каждый день. Серёжа, нормальная температура её тела— от 36,0 до 36,2. Ей реально горячо то, что тебе нормально. Так бывает. Это нормально. Я тебе как детский врач говорю. Пусть самостоятельно выбирает себе температуру воды и еды, и питья. Ваше дело— обеспечить ей свободу выбора. И держать свои руки при себе. Поезжай.

— Её когда забирать надо? Надоела уже, наверное? Когда синяки сойдут?— спросил отец, а бабушка на него молча посмотрела и он ретировался.

И снова потекли спокойные будни с бабушками и дедушками. Юля трескала коржики и омлеты, смотрела мультики, спала в обед, с бабушкой читали книги и газеты, с дедушкой учились считать и понимать время по механическим часам, с прадедушкой проводила время в столярной мастерской и внимательно слушала истории о подвигах русских солдат, защищавших страну от нацистов; с прабабушкой шила кукле Свете платья, лепила пирожки и внимала рассказам о жизни в оккупированном городе с концлагерем на окраине, женщины с двумя детьми на руках и спрятанной в сарае корове. Потом в отпуск приехали бабушкин Лидын брат и прабабушкин Надин сын с семьёй. Уютные вечера с тазом (натурально, тазом) жаренных семечек подсолнуховых и кабачковых, под «Ой, мороз-мороз», «Ландыши», «Подмосковные вечера» из патефона, под разговоры серьёзные и смешные.

Приезжали и папа с мамой, выпивали и хохотали.

Потом выпало прям много-много снега. И дедушка Вася достал из сарая санки. Сажал в них внучку и с развесёлым гиканьем носился по улице. Ходили все вместе на горку, где бабушка общалась со взрослыми, а дедушка кувыркался с детворой в снегу, лепил снежные крепости и снеговиков на пустыре и даже мог поднять большой средний шар снеговика, недоступный силе никому из детей. Вот такой сильный дедушка!

— Ба!— говорила запыхавшаяся и румяная внучка запихивая мокрую чёлку под шапку. — А нос бы… Морковку-то мы не взяли…

— А у меня в кармане завалялась одна.— отвечала бабушка и доставала здоровенную намытую морковищу.

— Ух ты!— радовалась Юля и уже бежала к дедушке.— Деда!!! Деда! У бабушки морковка в кармане нашлась!

— Ага.— улыбался дедушка.— То ж мы как на базаре были, так бабушка в кармане и забыла.

Бабушка смеялась, а внучка искренне верила, что морковь с базара носят домой исключительно в карманах.

В бабушкиных карманах широкой плюшевой шубы вообще чего только не находилось! И запасные варежки, вместо уже насквозь промокших, и носовой платочек, и конфетка, и яблочко, и спички, и папиросы мужа, и даже маленький перочинный ножик! Что бы внучке не вздумалось, а у бабушки уже это было! И когда давала, то всегда тихонько приговаривала:

— Держи тебе на блюдечке с голубой каёмочкой!— целовала в макушку, прижимая локтем голову внучки к себе и добавляла.— Да чтоб тебе всегда так в жизни было.

А как было весело возвращаться с горки затемно уже! Держа за руки дедушку и бабушку одновременно! Они иногда поднимали внучку вверх одномоментно и позволяли перекувыркнуться в воздухе! Аж дух захватывало! Смотреть на ночное небо, задрав голову вверх и совсем не смотреть под ноги, зная, что родные люди подхватят и не упадёшь ни на снежной кочке, ни на голом льду. А сверху ещё иногда сыпали красивущие хлопья снега и снежинки танцевали в свете фонарей свой завораживающий танец.

А дома была жарко натопленная печка, вкусный ужин, тёплое молоко с мёдом или чай с мятой, мультики или волшебная сказка на сон грядущий в неге и безопасности.

Почти под самый Новый год Юлю забрали домой. И сразу же, с порога, после разговора мамы с бабушкой, началось выяснение отношений:

— Какое твоя мать имеет право мне указывать как МНЕ мыть МОЕГО ребёнка?!— орала мама.— Ещё и таким тоном и в таких выражениях!!! Не смей! Я сама знаю, что мне сметь, а что не сметь! Без её указки! Её не спрашивала!!! И что теперь? Если она хочет мыться в холодной воде, то пусть моется?! Так что ли?! Её спрашивать что ли?! В какой воде желает принцесса помыться?! Температуру воды уточнять?! Пусть моется в той, какую налили!!! А дальше что будет?! Меню с ней утверждать?! Что она хочет, а что не хочет?!— и дошла очередь до Юли.
— А ты?! Что ты вылупилась?! Ябеда! Побежала сразу жаловаться! Сама мать довела, а потом ей все плохие! Моют её не с той стороны! Бессовестная! Чего ты на мать кляузничаешь?! Я тебя, лярву, родила! Кормлю, пою, одеваю! Обуваю! Воспитываю! И я тебе плохая?! Ты зачем бабке своей обо мне гадости говоришь?!

Мать замахнулась для оплеухи, но не ударила, а Юля зажмурилась. Убегать было нельзя, когда родители бьют, потому что когда догоняют, то бьют ещё сильнее. Это было выяснено опытным путём, а потом ещё подкреплено словами отца.

— Хоть зажмурилась!— продолжала мама.— А то стоит она! Выпучила свои жабьи глаза на козьей морде! Лярва!!! Как есть!!! Лярва!!! Уйди от меня!

Снова Лярва, уже не Юля, после разрешения, ушла в спальню и залезла на своё место под двуспальной кроватью. Обычно, тут её уже не трогали. Рядом была батарея отопления, прикроватный плюшевый коврик в виде шкуры медведя, на голову которого удобно положить свою голову и тихо поплакать, потому что на громкий плач могла снова прибежать мама и орать уже за то, что Лярва плачет.

— Где эта дрянь? Жрать она будет?— услышала голос мамы.

— Под кроватью пыль собирает. — откликнулся отец.— Дебильная какая-то. Чуть что… И под кровать! Чумная.

С утра начались сборы в сад.

3

К празднику подруга бабушки Лиды прислала из Молдовы нарядное платье для Юли. Бабушка общалась по переписке со своими однокурсниками, разбросанными ныне по всему миру, поздравлялись с праздниками и обменивались посылками со всяким интересным- сувенирным, характерным для региона проживания, вкусностями, одеждой. В этот раз было платье. Юля до этого дня не видела платья красивее! Небесно- голубого цвета атлас, открытые плечи и спина, короткий подол на манер балетной пачки, отделка белоснежной вышивкой и разноцветными пайетками (слова- то такого даже не было! Были «блестяшки»). Платье сверкало и переливалось, особенно в искусственном свете, как драгоценный камень. Юля задыхалась от восторга красотой и представляла себя на новогоднем детсадовском утреннике в этом платье. Ещё бы! Настоящее сокровище для девчонки, в конце 80-х, в маленьком провинциальном городе. И было совершенно ясно, что такой красоты нет и не будет ни у кого на весь детский сад!

Накануне заплели влажные волосы в косички и Юля повторила своё стихотворение. Песенки новогодние помнились наизусть.

Утром всё разложилось по кулькам, родители нарядились и семейненько отправились на утренник. Как сказал классик: «Мороз и солнце, день чудесный!», всё вокруг бело и чисто, мелкая взвесь снежной пыли переливалась на солнце, от предвкушения праздника чаще билось сердце, только чуть-чуть замерзали сопли в носу, ну, когда шмыгнешь ним, то стенки носа слипались к перегородке и это создавало непередаваемое ощущение!

Через добрый час, румяная с улицы, Юля любовалась собой в большом зеркале раздевалки.

Белый пышный бант, завязанный хитрым образом в кудрявых после ночных косичек, волосах; шикарнейшее платье от которого захватывало дух, когда свет падал на блестяшки; белые ажурные колготки то ли в снежинку, то ли в цветочек, но хотелось бы думать, что конечно в снежинку и новые- преновые белые чешки!

— Мама, а накрась мне губы!— попросила Юля. Это было чувство, когда знаешь ответ, но настолько счастлива, что набралась наглости и попросила.

— Малая ещё губы красить!— бросила мама через плечо, поправляя свой макияж в том же зеркале.

Ну, что ж. Чудес не бывает, как всегда говорит папа.

Детки собрались возле спортивного зала в котором проходили последние приготовления воспитателей и ждали музыку, чтобы торжественно зайти.

Подошёл папа Юли с фотоаппаратом на груди, увидел садиковскую приятельницу Лилю, неожиданно схватил её сзади и подкинул вверх. Лиля взвизгнула, но тут же рассмеялась, когда приземлилась обратно в руки. Папа проделал это ещё несколько раз и счастливая и хохочущая Лиля в развевающемся пышном голубом, расшитом снежинками, платье с восторгом летала в потолок и приземлялась в распахнутые руки.

Юля подошла ближе и подняла руки вверх.

Папа дочь не видел, всецело занятый чужим ребёнком.

— Какая прелестная девчонка! Валь! Чья это?

— Это Лиля.

— А! Танькина?— понял папа и снова подкинул Лилю вверх.— Хохочет! Нравится тебе, да?— спросил папа уже у Лили, а та вместо ответа обняла его за шею.— Ой, ласковая какая девочка! Какая же хорошенькая! Платье какое у тебя нарядное! Мама шила? Ты и стишок, наверное, выучила? Какая красивая девчонка!— продолжал громко восхищаться папа, снова и снова подкидывая Лилю вверх, рядом стояла её мама Татьяна и улыбалась. И все остальные родители улыбались, восхищаясь искренней радостью счастливой Лили.

Юля стояла рядом, вцепившись в штанину отца. Прекрасно ощущая то, что ей ещё невозможно было выразить словами. Папа ни единого слова не сказал в похвалу дочери, не взял её даже за руку, не сказал, что у неё красивое платье, а уже о таком аттракционе, как аттракцион с полётами, Юля не могла даже мечтать. Она даже не знала, что папа так умеет. Но чувствовала, что Лиле очень хорошо.

У Юли навернулись слёзы, она отошла в сторону, отпустив штанину отца, несколько секунд подумала, вернулась и шлёпнула отца по бедру ладонью.

— Ты нормальная?— заорал отец и мгновенно, поставив Лилю, отвесил дочери оплеуху.— Тебе кто разрешал руку на отца поднимать, свинья неблагодарная?! Скотина такая! — и прилетела уже пощёчина.

— Да не трогай ты её!— вступилась мать и зашипела.— Люди же смотрят!

— Нет, ты видела?!— продолжал возмущаться отец.— Видела? Подошла и ударила меня! Как посмела?!

Юля ревела взахлеб и ничего невидящими, застланными слезами глазами сфокусировалась на Лиле и вцепилась в её волосы. Детей мигом растащили, даже помяться особо не успели и наконец-то заиграла музыка и всех пригласили в спортивный зал.

— Не вой.— сказала мама, шедшая сзади дочери и ткнула кулаком в позвоночник.

В зале уже была наряжена ёлка, в шарах и гирляндах, обложенная ватой, имитирующей снег, Баба Яга с настоящей метлой из дерезовых веток, Дед Мороз подозрительно напоминал воспитательницу старшей группы, Снегурочка- милейшая девочка работница кухни, Леший, чрезвычайно похожий на дворника.

Юлю сразу же втащили в хоровод.

Мальчики- зайчики, медведи, мушкетёры и волчки, и просто нарядные в белых и голубых рубашках, в наглаженных брюках; девочки- снежинки, солнышки, белочки и лисички счастливые и весёлые танцевали и рассказывали выученное дома, получали за это подарки от Деда Мороза.

Юля на негнущихся ногах, ожидая домашней расправы за своё поведение, еле шевелилась и не рассказала стишок.

— Давай!— дёргала мама за подол и пихала в плечо.— Ты ж учила! Рассказывай!

Но всё было тщетно. Юля не сказала ни слова. Она помнила стих. Но говорить его не хотелось. Вообще ничего не хотелось говорить. Подарок всё равно дали.

— Придём домой и я тебя убью…— приговаривала мама, выдёргивая бант вместе с волосами. Трещало сдираемое с дочери платье. Юля смотрела на оторвавшуюся и валявшуюся на полу блестяшку и молчала. — Тупица! Неделю учили стишок! Столько времени на тебя потратила! Стояла и смотрела как баран на новые ворота! Восемь строчек не запомнила. Идиотка. Все дети как дети. Одна эта. Выродок какой-то… Овца.

Началась метель, домой шли пешком. Лярва впереди, а родители под ручку сзади.

— Нет , ну ты видел?! Стоит и вылупилась! Ей говорят: «Стишок рассказывай!», а она стоит! Зубрили-зубрили этот стишок, а что толку?— возмущалась мама.

— Значит, мало учили. Или она просто тупая.— вторил отец.

— Да где ж мало? Сколько надо было? С июня начинать? Все дети рассказали стишок! Все! Одна эта… Все детки как детки танцуют, а эта как палку проглотила. Стоит в углу и что хочешь с ней делай! Все песни поют, а эта молча. Ненормальная она. Я тебе говорю. Посмотри насколько она отличается своим поведением от других детей…

— А Лилька какая хорошая!— никак не успокаивался отец.— Весёленькая, миленькая, такая красивая! Как Дюймовочка! Такая маленькая! Лёгкая как пёрышко! Хохочет так задорно! Наша вечно угрюмая какая-то, злая, психованная… А Лилька, ну настоящий весёлый и жизнерадостный ребёнок! Прямо приятно было с ней поиграть! И эта чума! Ты видела как она взвилась? Как вцепилась в Лильку! Представляешь, как выпугала ребёнка? Позорище!

— Позорище, да… — согласилась мама. — Что из этой лярвы вырастет? Ума не приложу… Характер— не дай бог… Мало мы её бьём. Надо больше. Это нужно как-то ломать. Она и так уже на голове сидит, а то вообще не знаю, что будет делать… Подралась на детском утреннике! Слушай, а вдруг она приревновала?

— Да ну! Она ж не понимает ничего! Глянь какое у неё лицо тупое!— и позвал.— Юля!

Юля уже снова шмыгала носом и глотала слёзы. Пошла быстрее вперёд. Отец догнал её в три шага, схватил за шкирку, поднял и кинул себе под ноги.

— Куда ты бежишь? Я тебя позвал, значит нужно остановиться и подойти ко мне!!!— снова поднял и снова швырнул, но уже в сторону. От этого кулёк с конфетами, который был у Лярвы в руках порвался и конфеты рассыпались по снегу.

— Ты чё швыряешь?— уже орал отец и снова трепанул Лярву за капюшон.— Ты чё мне тут характер свой показываешь? Он мне нахрен не нужен! Ты не человек! Ты даже не полчеловека! Характер у неё! Чё ты выбражаешь?! Кто тебе разрешал так себя вести?!

— Собирай конфеты, лярва!— не осталась в воспитательном вопросе в стороне мама.— Тебе их подарили, чтобы ты их в снег кидала что ли? Собирай! Зажралась вкрай! Конфеты ей не в радость! Любой ребёнок был бы рад такому подарку!

Руками в варежках было неудобно собирать. Лярва ревела навзрыд. И только самые яркие фантики были видны из-за слёз. Сняла варежки, ползала по снегу, рыдала и собирала рассыпавшиеся конфеты. Пальцы быстро перестали сгибаться, лицо замёрзло от слёз, пальто стало совершенно неподъёмным, силы будто покинули, как тогда, на горке…

У родителей закончилось терпение, Лярву сгребли за капюшон и отец потащил домой уже волоком.

Дома родители разделись, оставив дочь под порогом. Там Юля и заснула, проснулась от того, что выламывая руки её раздевала мама и снова отключилась.

Утренник запомнился на всю оставшуюся жизнь.

4

В длинных новогодних праздниках была одна самая главная радость— родителям Лярвы было совсем не до неё. Приходили бесконечные гости, мама варила-жарила-парила, носилась с пылесосом, тёрла пыль; папа старался взять отпуск на это время и возлежал на диване, употребляя алкоголь. Посреди зала стоял круглый стол, накрытый скатертью, на нём фрукты, конфеты, то что не быстро испортится при комнатной температуре папе на закуску.

Лярва сидела под наряженной ёлкой со всеми игрушками разом и выходила только по своей надобности— стащить конфету, мандарин, или бутерброд. Родителям было совершенно наплевать, в отличие от любого другого времени, что дочь ест и когда спит. По телевизору шли бесконечные концерты с Женей Белоусовым и его «Девочкой синеглазой», Димой Маликовым с его «До завтра», с группой «Мираж» и их песней уже звучавшей из каждого утюга «Музыка нас связала», новогодние фильмы: «Иван Васильевич меняет профессию», волшебные «Чародеи», «Новогодние приключения Маши и Вити», «Джентльмены удачи» и «Не может быть!».

Из-под ёлки целенаправленно доставали только гости.

Самыми любимыми гостями были дядя Хасан и тётя Надя! Тётя Надя, неблизкая сестра отца, миниатюрная красивущая брюнетка, с кудрявыми пышными и длинными волосами, всегда ярко одетая и накрашенная, всегда в хорошем настроении и пахнущая духами. Юле духи напоминали румяные абрикосы, нагретые жарким полуденным солнышком. Дядя Хасан невысокий, широкоплечий, плотно сбитый, бородатый кабардинец, всегда спокойный и невозмути-

мый, всегда в чёрном и с золотой цепью на шее толщиной в 3 детских пальца. Пах табаком и одеколоном «О`Жён», запах лимонных корок и дерева. Юля знала этот запах, такой же точно подарил Хасан папе на День Рождения.

Эта парочка познакомилась в Нальчике, где тётя Надя проходила свою университетскую практику, семья Хасана была категорически против не то что свадьбы, а и вообще каких-либо отношений, на него, как на старшего сына семьи возлагались большие надежды и брак с другой девушкой был запланирован на момент знакомства с Надей, 18 лет назад. Хасан переругался со всей своей семьёй и уехал с Надей в Ростовскую область, к её родителям в чём был. Даже без документов. Это были дела давно минувших дней, всё уже устроилось, все перемирились и смирились. Перезнакомились, ездили друг к другу в гости поодиночке и семействами и, в целом, были вполне счастливы. Единственно, наверное, что было омрачающим— у Хасана с Надей не было детей. Они виду не подавали, занимались благотворительностью и любили всех детей вокруг. Юлю обожали!

Всегда приезжали с кучей подарков и сладостей. Тут тебе и джинсовая юбка цвета «табак» с бантиком на попе, тут и разноцветные красивые-прекрасивые, страшно дефицитные, капроновые колготки, тут и чудесные трусики- недельки с феечками, и карандашей по 30 цветов, среди которых был даже бежевый, которым было удобно раскрашивать нарисованных людей, и набором фломастеров по 20 цветов, где был даже салатный и розовый!

— Да спусти ты её с рук, Хасан!— ругалась мама.— Ты ж ни поесть, ни попить нормально не можешь! Сидит как прилипла!

— На неё и так никакой управы нет! Разбалованная до ужаса!— поддакивал папа.

Хасан смеялся, но не отпускал из рук, и как же удобно, уютно, тепло и безопасно было на его коленях!

— Слазь бегом, бессовестная!— командовала мать, которую вид счастливой дочери, по-видимому, раздражал.— Уже и все ноги, наверное, отсидела! Бегом! Я сказала!

Тут уже нельзя было ослушаться и приходилось слезать.

— Да пусть бы сидела.— говорил Хасан.— Лёгенькая же. Чтоб она мне отсидела?

— Хасан! Я вот расскажу вам сейчас про неё! Чтоб вы не думали, что она ангел! Надя! Мы шли с утренника. — мама выдержала паузу, чтобы убедиться, что все взгляды направлены на неё. — Она не рассказала стишок. Надя! Учили мы его неделю! Её, конечно, поругали за это. А как иначе? Она как распсиховалась!!! Отца ударила, на девочку из группы напала, видела ж, что она самая маленькая и сдачи ей, лошади, не даст! Волосы с неё повыдёргивала! Банты выдрала! Платье ей порвала! А потом ещё и кулёк с конфетами по сугробам швыряла! Представляешь характер?! А мы, вообще-то, на подарки денег сдавали! И конфеты хорошие были!

— Господи, Валя! Да Бог с ними с теми конфетами! Ерунда же! Ну, и если подралась… Ну, всё бывает. Это ж дети.— развела руками в широких рукавах-клёш тётя Надя.— Как подрались, так и помирятся. Никто ж не покалеченный? Ну, и всё.

— Надя.— стояла на своём мама.— Ты не понимаешь. Она сама и только она одна виновата в том, что не рассказала этот стишок. Ей сделали замечание! Всё. Прими. Закрой рот. Больше ничего не требуется!

— Тётя Надя!— осмелилась Лярва.— Всё не так было!

— Ты охренела что ли, мать перебивать? У тебя что? Кто-то что-то спрашивал? Мало того, что сидишь со взрослыми за столом! Разрешили тебе! А ещё и вякаешь! Не доросла ещё рот свой открывать! А ну, пошла отсюда! Залезь под ёлку и чтоб я тебя не слышала и не видела!

Лярва ушла куда послали. Неоднократно уже били и при гостях, позора больше. И тётя Надя будет думать, что Лярва плохая. И Хасан будет думать, что плохая. Пусть не знают, что плохая. Не расстраиваются. Они же такие хорошие! И красивые.

— Валя. Ты несправедлива к ней. Она просто ребёнок. Она не умеет быть взрослой. И не должна уметь. Она же вся нараспашку, чувства, нервы, эмоции! В этом же и есть прелесть детей! Они искренние! Их нужно просто любить. И понимать. Мы же взрослые. Мы должны искать контакт. Мы же умеем, мы же социальные. Она хорошая девочка!

— Когда спит зубами к стенке!— пошутил папа избитую шутку и поднял рюмку.

— То у вас своих нет!— не стерпев указаний в воспитании, ударила мама по больному месту тёте Наде.— Вот, были бы! Знала бы ты что это такое! И сколько нервов надо! А то живёте себе спокойно и в ус не дуете!

— Без спиногрызов!— не промолчал папа.

Тётя Надя промолчала, хлебнула шампанского и полезла под ёлку к Юле. В её глазах были слёзы. Хасан вышел курить. Мама спокойно ела что-то из тарелки. Папа разливал по рюмкам и бокалам.

За 10 праздничных дней были и дядя Боря с тётей Аней со своими двумя детками, ровесниками Лярвы, близнецами Вадиком и Костиком, и дядя Шурик с тётей Ирой, дядя Витя и тётя Вита, дедушка Вася и бабушка Лида, приезжал ещё крёстный папа Вова с очередной женой, Юля уже видела третью или четвёртую…

Крёстный был бравым начальником милиции в областном городе, огромный мужчина, входивший в стандартные дверные проёмы «хрущёвки» чуть бочком и слегка пригнувшись, сразу с порога схватил Юлю, прижал к себе и громогласно закричал: «Карапууузз! Как твои дела?», тоже всегда с багажником подарков всем-всем. Здесь, конечно, подарки были другого формата. Зоновские поделки. Подсвечники и панно, шкатулки и заколки из бересты, нарды и разделочные доски. Всё это было в таком количестве, что передаривалось по интересам дальше. Юле дарилось золото. «Ломбард работает всегда.» приговаривал крёстный, «Мало ли что в жизни бывает. Надо уже сейчас начинать обеспечивать ребёнку безбедное будущее.» После его ухода украшения забирались со словами: «Потеряешь ещё.» Некоторые Юля больше никогда не видела.

5

3 марта у папиной крестницы был День рождения. Родители Юли, конечно, были приглашены. И накануне принесли подарок. Кукла производства Германии. Размером с практически настоящего младенца, который «агукал» при нажатии на живот. В комплекте с ним была бутылочка с соской, соска отдельная, люлька с кружевным постельным, складная коляска и несколько наборов одежды. Всё нежно- розового цвета. Выложенное, как на витрине, в огромной коробке под прозрачной крышкой.

С порога куклу вручили Юле.

— Это мне?— не поверила она своим глазам.

— Нет, конечно!— ответила мама.— Ты знаешь сколько она стоит и сколько стоило труда её достать? Тебе! Держи карман шире! За что? За то, что стишок выучить не можешь или за твоё поведение свинское? Не заслужила таких подарков. Подарки получают только умные и послушные дети. А это не про тебя. Была бы ты хорошей девочкой, как Оленька, то и тебе бы такую купили. А так. Обойдёшься. Игрушек у тебя полно. Повыкидывать уже надо. Школа на носу. Можешь поиграть сегодня- завтра. Хотя… Или обляпаешь, или поломаешь, или затаскаешь. Дай сюда.

Мама вырвала из рук коробку и положила на самый верх шкафа, будто дочь вправду могла себе позволить взять что-то без разрешения.

Вечером пришёл папа и куклу снова разглядывали.

— Ну, дорого, конечно.— посетовал папа.— А что делать? Всё лучшее— детям! А помнишь, ты сапоги импортные покупала? Может, и их подарим?

Мама сходила за другой коробкой и задумчиво вертела в руках детские сапожки голубого цвета, в серебряную снежинку и на толстой белой подошве.

— Да, наверное. Хороший подарок. Кума недавно брала своей на вырост куртку. Вот они, как раз, ей на следующий год хорошо будут. И по размеру… И по цвету хорошо. Нашей они ни к чему. Сейчас же или уделается, или порвёт, или ещё как испортит. Да и вообще. Обойдётся. Подарим.

И подарили.

У куклы к концу празднования уже была отломана рука и родительский кум уже примотывал её синей изолентой, соска валялась под ногами, а люлька в кухне. Именинница, наплевав на то, что сапоги на вырост, захотела в них сразу же идти гулять и вернулась через 10 минут до верху набрав в них воды, провалившись на подтаявшем льду в грандиозную лужу.

Олечка выла белугой, потому что ей холодно, мокро и обидно, её все успокаивали и совали конфеты.

Юля смотрела на изгаженные сапоги и тоже тихонько заплакала. Она ждала год, чтобы их надеть. Ей обещали.

Но её успокаивать не стали, мама затащила за шкирку в кухню, подальше от гостей, втихую навешала подзатыльников и вернувшись к остальным, пояснила: «Она у нас истеричка.», хотя пьяной компании не было совершенно никакого дела почему плачет чужой ребёнок. Собственно, вообще никому не было дела.

И всё, что дарилось Лярве, в основном передаривалось. Очень редко что-то оставлялось и обычно это была канцелярия. Максимум одни колготки. Родители предпочитали радовать чужих детей, потому что они того заслуживали.

6

В детском саду у Юли была приятельница тёзка. У тёзки были родители- военнослужащие, несшие службу в Германии, а она сама жила с бабушкой и дедушкой. И в один прекрасный день Юля принесла в детский сад несколько кукол Барби. И их друга Кена. И с детками. И мебель. И посуду. И одежду для них всех. И даже пластмассовую еду, которую можно было сложить в пластмассовый холодильник. Ещё Юля рассказывала, что у неё дома есть целый большой дом для Барби, в котором есть всё-всё как настоящее и в основном розовое, но в садик она его принести не может, потому что он очень большой и тяжёлый и что бабушка с дедушкой собирали его несколько дней. Дети смеялись, не верили и называли Юлю «врушкой».

Кукла Барби, длинноногая, с тонюсенькой талией, грудью и пышными золотыми волосами потрясла воображение советского ребёнка и стала мечтой. Дома Лярва набралась смелости и подошла к маме.

— Мам. Сегодня Юля приносила в детский сад куклу Барби. — просить у родителей было нельзя. Обычно на это отвечалось: «Не смей озадачивать меня своими глупыми проблемами.», но куклу хотелось больше всего на свете!— И я… Я очень хочу такую… Купите мне, пожалуйста.

— Что-что тебе купить?— глянула сверху вниз мама.

— Куклу Барби.

— Я не знаю что это такое!— отмахнулась мама и ушла заниматься своими делами.

По правде говоря, Юля другого ответа не ждала. Но попробовать стоило. Кукла Барби снилась ночами.

И на следующий день Лярву забрали из детского сада раньше на целый час.

— Тебя врач ждёт. Операцию будем делать. На ноге.

Сколько Юля себя помнила, на её правой ноге под коленкой была шишка. Подвижная, сначала безболезненная, а потом причиняющая резкую боль при малейшем прикосновении. Походили по врачам, все пощупали и пожали плечами. Шишка начала расти, а потом просто провалилась куда-то в ткани и болела уже вся нога не переставая. Через какие-то знакомства и десятые руки согласился прооперировать хирург для взрослых практически в процедурном кабинете.

В фойе районной больницы Лярву с родителями встретил очень крупный давно небритый мужчина в белом халате.

— Я ничего не обещаю. Я посмотрю. Разрежу, а что из этого получится— не знаю.

— Да, ладно.— покивали родители и раздели дочь до трусов.

Врач взял Юлю на руки и унёс за стеклянную дверь.

Несколько коридоров, кабинет. Врач что-то писал, а Лярва сидела на кушетке и смотрела по сторонам.

— Тебе не холодно?— спросил он, оторвавшись от бумаг.

— Нет.— пожала плечами скукожившаяся девочка и распрямилась.

— А зачем ты обманываешь?— спросил врач, накидывая ей на плечи пару раз сложенную простынь.

— Мама говорит, чтобы я не смела озадачивать взрослых своими глупыми детскими проблемами. Они никому не нужны и могут поставить кого-нибудь в неудобное положение.

— Понятно.— сказал врач, помолчал, почесал затылок, присел на корточки и продолжил.— Давай договоримся? Сразу. Сейчас. Я оперирую взрослых людей, такую маленькую как ты— в первый раз. И я привык, что взрослые говорят если им плохо или больно. У тебя не будет общего наркоза и ты сможешь со мной разговаривать. Давай, пожалуйста, ты будешь мне говорить всё, что ты чувствуешь или думаешь? Мне это очень нужно.

— Зачем?

— Я хочу понимать, что тебе не больно. Что всё идёт по плану. Договорились?

— А вы не будете на меня кричать, что я говорю глупости, выбражаю и мне нужно заткнуться?— уточняла Лярва границы дозволенного.

— Нет. Не буду. Будем просто разговаривать. Договорились?

— Да.— согласилась Юля.

Её снова взяли на руки и понесли.

Перед очередной дверью врач снял простынь и с рук на руки передал девочку выглянувшей из операционной женщине.

Лярва сидела на операционном столе и слышала приглушённый разговор из какого-то смежного помещения, даже было не очень понятно с какой стороны.

— Экстренных нет, плановые на сегодня закончились. Часа два точно есть. Даже если вдруг будет экстренный, то успеем подготовить. Вы же хотели в процедурном?

— Передумал. Вообще вслепую полезу. Никто ничего не понимает, что там за шишка, педиатры подавно ничего не знают. Только пупки зелёнкой мазать горазды! Надо резать. А что там— вообще не знаю! Или кровотечение, или аллергия… Не знаю, что может быть. Тем более, что такая кроха. Просто не знаю. В условиях операционной если что-то пойдёт не по плану, то больше шансов… Ладно. Всё. С богом.

— Как на это согласились родители?

— Они или не понимают или им всё равно. Начинаем.

В операционную зашли уже знакомый врач и знакомая женщина. Потом ещё девушка.

Лярву положили на живот и привязали ноги.

— Тебе страшно?— заглянула в глаза новая девушка.

— Нет.— ответила Лярва и сложив руки в локтях подпёрла подбородок.

— Какая смелая девочка!— восхитилась женщина.

— Самая смелая девочка! Изо всех смелых, кого я когда-либо видел!— послышался голос врача.

Чем-то не очень приятно запахло и Лярва, почувствовав укол, дёрнулась.

— Больно?— сразу спросила девушка.

— Нет. Уже нет.

Лярва разглядывала стены и пол операционной. Потом затекли руки, она положила голову на предплечья и заснула крепче, чем спала обычно. Девушка, стоящая рядом, положила одну свою прохладную руку сбоку на шею, а другой рукой гладила волосы.

— Солнышко…— легонько потрясли за плечо.— Просыпайся, уже всё.

— Показать тебе твою шишку?— спросил уже улыбающийся врач и дождавшись утвердительного кивка взял предметное стекло на котором распласталось что-то кроваво-жёлто-белое и протянул Лярве.— Вот она.

Юля попригляделась в этот невзрачный кусочек мяса и потрогала его пальцем:

— Больше болеть не будет?

— Сегодня и завтра будет очень сильно болеть. А потом всё меньше и меньше. Как начнёт чесаться— это значит заживает.

Снова замотал в простынь, взял девочку на руки и теми же коридорами пошли в фойе, где ждали родители.

— Что?— хором спросили папа и мама, встав на встречу.

— Скажем так… Нормально. Не знаю ещё что это. Пусть посмотрят гистологи.

— Что она там?— уточнял папа.— Орала, наверное? Она у нас такая избалованная! Невоспитанная! Лупим бесконечно как сидорову козу, а толку ни на копейку. Вообще ничего не понимает! Уже охрипли на неё орать!!!

— Да нет…— пожал врач могучими плечами, по-прежнему держа Лярву на руках.— Хороший ребёнок. Спокойная, послушная, контактная. Хорошая, развитая, понятная речь. Подремала даже немножко. Я думал, что всё будет хуже.

— Вы же ей укололи что-то, чтобы она спокойная была?— спросила мама.

— Нет. Только местное обезболивание.

Лярву посадили на стул и мама кинула в неё вещи с командой одеваться.

Юля натянула верх и смотрела на забинтованную негнущуюся ногу пытаясь понять как надеть штаны и обуться, пока взрослые обсуждали даты перевязки.

— Быстрей давай!— включился командовать папа.— Сколько тебя ждать?! Уже идти надо!

— Да помогите вы ребёнку!— вступился врач.

— Она у нас самостоятельная!— горделиво вскинула голову мама.— С двух лет сама одевается и обувается! Японское воспитание!

— Так. И ходить. Пусть вообще не ходит хотя бы дня три.

— Как это?— удивился папа.— А как мы сейчас домой пойдём?!

— На руках!— вытаращился врач.— На руках донесите ребёнка!

— Да она лошадь уже!!!— начал возмущаться папа.— Как я её допру?! В ней уже килограмм под двадцать! Вы представляете себе на руках её тащить?!

— До свидания.— сказал врач и ушёл.

Домой добирались долго, несмотря на вовремя подъехавший автобус. Всё то время, когда папе приходилось нести свою четырёхлетнюю дочь, он ныл, жаловался, тяжко вздыхал и приговаривал: «Точно, что чемодан без ручки! И нести неудобно, и бросить жалко!».

А дома, когда уже переоделись, то мама заварила чай, а папа порезал бублик с маком на кругляши, каждый намазал маслом и капелькой абрикосового варенья.

И спокойно, в кои-то веки без скандала, пили чай.

Самый вкусный чай в жизни Лярвы, выпитый с родителями за одним столом.

Два выходных дня родители побегали вокруг дочери, в понедельник свозили на перевязку и сразу после неё отдали в детский сад, несмотря на уговоры врача десять дней никуда не ходить и ограничить движение.

— Ой, да заживёт как на собаке!— махнул рукой папа.

7

Ещё в начале весны были куплены путёвки и билеты на море. В Анапу. Большая поездка! Очень волнующее мероприятие.

Мама искала себе модный купальник по рынку и магазинам, таская дочь за собой. И Юля тоже увидела купальник. Детский. Ярко-жёлтого цыплячьего цвета, в разноцветную бабочку. И потрогала его, разглядывая.

— Что тебе? Тоже купальник нужен?— спросила мама.

— Красииивый…— протянула Юля.

— Ой, ничего там красивого нет! Не выдумывай. — дёрнула за руку и ушли из магазина.

Совершались обычные покупки и уже по дороге домой мама спросила:

— Чё ты недовольная идёшь и сопишь? Что тебе не так?

Юля жевала на ходу пирожное-полосочку с кремом и джемом и всё ей было вполне так, ровно до вопроса матери и её тона. Дочь уже научилась к своим неполным пяти годам улавливать настроение мамы даже по шагам в другой комнате. Сомнений не было никаких— сейчас что-то будет, мама чем-то недовольна. Юля быстро соображала где и что она сделала не так, потому что все претензии всегда были к её поведению или положению в пространстве— не так стоишь, не так сидишь, не так посмотрела, не вовремя стала, села или засмотрелась в сторону в какую-то не ту, погладила проходившую мимо кошку, а потом взяла мать за руку грязной своей, после кошки, рукой, шмыгнула носом, шаркнула ногой, чавкнула, споткнулась…

— Что тебе не так?— повышала мама голос с каждым словом. — Ты слышишь меня?! Или оглохла?! Отвечай!

— Я не оглохла.— ответила Лярва.

— А чё ты молчишь, когда я тебя спрашиваю?!— мама остановилась и за руку развернула дочь к себе.— Чем! Ты! Недовольная! Что ты плечиками дёргаешь? Что тебе снова не так?! Чё ты кривляешься? Я тебе пирожное купила? Купила! Почему ты с кислой рожей стоишь и вылупилась на меня? Что тебе, лярве, надо, чтобы ты улыбалась как все нормальные дети?! Что надо? Я тебя спрашиваю!!! Аааааааа! Я поняла! Ты обиделась, что я тебе купальник не купила, а себе купила?!

Купальник несомненно был красив, но не стоил даже просьбы у мамы, а последующего скандала уж точно. Маме уже можно было не отвечать. Она придумала тему воспитательной беседы и прекрасно справлялась с монологом. Здесь нужно было замереть и ждать.

— Ты поэтому губы надула, скотиняка? Купальник тебе нужен?! Он тебе вообще не нужен! Тебе его одевать не на что! У тебя сиськи только через 15 лет вырастут! На твои прыщи купальника не надо! Принцесса какая! А то на море её без купальника не пустят! Или смотреть там на неё будут! В купальнике она или без! Там всем насрать на тебя с твоим купальником!— громогласно вещала мама посреди улицы практически в центре города.— Ещё ты мои нервы своим купальником не трепала! Мало от тебя я терплю! Ещё и это! Купальник ей! Говна на лопате, а не купальник! Трусами обойдёшься! А будешь выделываться, то вообще! Оставлю тебя бабке твоей шибанутой! Будешь там сидеть!

«Хорошо бы.» подумала Лярва и к ним подошла приятельница мамы.

— Привет, Валюшечка! Как твои дела? Опять твоя учудила что-то, да? Слышу кричишь!

— Привет, Люб. Ага, снова ору. Один позор с этим ребёнком. Куда ни пойди! Я не знаю сколько на неё нервов надо! Были на базаре, на море собираемся. Купальник себе смотрела. И эта.— дёрнула Юлю за руку.— Как привязалась! Купи и ей купальник! А там, во-первых, тот купальник слова доброго не стоит. Говно какое-то. Насрать в него и по речке пустить. Так и не нужен он ей! Это во-вторых. И стоит как половина месячной зарплаты! То я её уговаривала! То уговаривала! Ни в какую! Купальник ей нужен! За шкирку! Волоком тянула!!! Представляешь?! Она визжит! И сейчас, вон, идёт. Глянь на неё! Стоит обиженная. Ещё дома будет мне концерты показывать своей истерикой!

Мама отрепетировала рассказ о неподъёмно- трудном своём материнстве, который будет пересказываться снова и снова, всем, кому посчитает нужным рассказать. Лярва всё это время стояла рядом молча и уже даже не плакала. До привычки было ещё далеко, но уже не так обидно как раньше.

Вечером поехали к бабушке с дедушкой и рассказ о Юлиных претензиях на купальник пополнился новыми подробностями.

— Орёт на весь магазин как ненормальная! Купи и купи!— визжала мама в попытке подделать детский высокий голос.— Ногами топает! На пол падает! Требует она! Гляньте на неё! Не доросла ещё, сопля зелёная, что-то требовать с меня! Как говорится— жри, что дают!

— Кто платит, тот и заказывает музыку.— ввернул папа умное.

— Валь, а почему его было просто не купить? Ну, не миллионы же он стоит.— дослушав, спросила бабушка.— Если очень хочет ребёнок, то почему бы и нет? Какая разница— нужен он ей или не нужен? Пусть едет себе спокойно с тем купальником да на то море.

— Миллионы или не миллионы, а я не собираюсь её прихоти выполнять по первому требованию! Пусть сначала научится себя вести нормально! А то орала посреди улицы так, что моя подруга со второго этажа почты спустилась её успокаивать! Не надо мной командовать!

Ужинали, бабушка осторожно выспрашивала о купальнике. Какой, где видели… И через несколько дней приехали все вместе— бабушка с прабабушкой и дедушка с прадедушкой, привезли внучке купальник. Видимо, надеялись избежать скандала в силу коллективного почтенного возраста. Конечно, не избежали.

— Это что ещё такое?!— орала мама, невзирая ни на что.— Я, значит, плохая! Отказала ей в купальнике за её поведение! Попросила бы нормально! Может, и купила бы! Так вы привезли! Зачем вы это сделали?! Зачем вы вмешиваетесь в воспитательный процесс? Чтобы она знала, что может добиваться своего криками и слезами?! Зачем вы её балуете? Чтобы она привыкла ныть и получать что вздумается?

— Всё нужно выстрадать.— поддакнул папа, беззаботно смотря на то, как орут на его родителей и прародителей.— Или заработать хорошим поведением.

— Аааaа! Я поняла! Чтобы она видела какие вы все хорошие! А меня чтобы ненавидела? Подарками её купить вздумали? Я этого не допущу!!! — мама наконец-то охрипла.

— Ва.Ля.— сказала, чеканя слоги, бабушка Лида.— Никто не спорит, что это ВАШ ребёнок. Но не забывай, что и НАША ТОЖЕ внучка. Мы имеем право вмешиваться в её жизнь и воспитание. Мы не чужие люди. Вы очень молоды, импульсивны и эмоциональны. Оба. Вы не понимаете, пока что, что делаете. Я говорю «пока что» в надежде, что хоть когда-то поймёте. Детей нужно баловать. Одному Богу известно какие испытания он приготовил на жизненном пути. Этот купальник не стоит даже разговоров, а не то что ссоры. Его нужно было купить ещё несколько дней назад. Или сейчас просто спокойно отреагировать.

— Вон отсюда!— мать показала вытянутой рукой в сторону двери.— Чтобы я вас здесь больше не видела! У себя дома будете командовать!

— Это уже вообще ни в какие ворота.— сказала бабушка Надя и развела руками.— Я! С фашистами. Со своим еврейским лицом! Не зная немецкого! Договаривалась о выкупе пленных за банку молока! Стоя возле концлагеря!!! Не могу договориться с русской невесткой! Всё. Идёмте.

Никто и никогда из дедушек и бабушек больше не переступил порога квартиры при маме. Мама тоже перестала к ним ездить, только если на 2 минуты и возле ворот, чтобы сдать Юлю по каким- либо причинам. Очень удивлялась причинам и возмущалась на семью мужу за то, что её не приняли.

Купальник же в этот день был продан соседке, дочь которой, ровесница Юли, Вика поехала в нём в тот же год в Геленджик. И носила его до самых своих 12 лет благодаря длинным завязкам.

— Хороший какой купальник!— говорила мама, рассматривая цветные соседские фотографии с моря.— Викушенька такая загорелая! Жёлтый так хорошо подчёркивает загар! Чудо ребёнок! Волосы какие шикарные! Фигурка хорошая. Очень красивая у тебя Вика получилась! А наашаааа… Купила ж ей тогда купальник! Чтоб же как человек! Ни в какую! Забраковала и не одела! Лазила, как дура, на море в трусах. На всех фотографиях! В трусах и горбатая! Стыдно кому показать! В кого только такая? Прелесть какая у тебя Викуша!

8

А в июне всей семьёй поехали на море. Поездом. Плацкартом. Больше суток в пути.

Юле очень нравились поезда! Множество людей, интересные разговоры, еда, которую брали с собой— все эти куриные ноги и копчёная колбаса, огурцы и помидоры, варёные яйца и пряники, даже просто сваренная картошка с солью в поезде была очень-очень вкусной! Отец был занят знакомствами, беседами и покупкой холодного пива на станциях. Мама или смотрела в окно, или суетилась с очередным приёмом пищи, или просто спала. За дочерью следили только чтобы не вывалилась в открытое окно или не потерялась на какой-нибудь станции.

Юля быстро нашла себе замечательное развлечение— лазать по полкам разнообразными способами: закидывать одну ногу, закидывать две ноги разом на обе полки, подтягиваться на одной руке, на левой, на правой, висеть вниз головой, зацепившись ногами... И достаточно долго получалось хорошо. До станции Тоннельная, что уже под Анапой.

— Сядь!— уже повышала голос мама. Юля садилась, но надолго не хватало и как только мама переключала своё внимание на что-то другое, то сразу снова лезла на верхние полки.— Ты же упадёшь рано или поздно. Ты ж невдалая. Ты ж на ровном месте можешь упасть.

И поезд заехал в тоннель совсем неожиданно. Юля, как раз, завершала очередной акробатический этюд. Послышался грохот и в белый свет Юля выехала уже сидя на полу и с синяком, набиравшим цвет не по дням, а по часам на всю щёку. На пути полёта из-под потолка, с уже багажной полки, случился стол. Плакать от боли и обиды было нельзя, но от упрёков не спасло.

— Чудище!— орала мать.

—Я тебе сколько раз сказала сесть спокойно и не скакать как обезьяна?! Сядь же и сиди как все нормальные люди! Ляг и поспи! Что тебя черти доламывают?! Что ты мечешься?! Слава Богу хоть никому на голову не свалилась! Я же тебе сказала! Сядь! Это же было понятно, с первой минуты, что ты упадёшь!

Юля молча слушала, папа, разморенный жарой в вагоне и каким-то по счёту ведром пива, вяло поддакивал.

К вечеру прибыли на базу отдыха, заселились в домики, объединённые общим двором, таскали и распаковывали вещи, знакомились. Собралась приличная компания человек в 25

взрослых и на них человек 12 детей, даже один был совсем маленький и его ещё кормили грудью. Юлиных ровесников набралось 6 человек мальчишек и девчонок.

Взрослые отмечали прибытие и заселение алкоголем, дети молоком из треугольных пакетов, закусывая печеньем и за полночь база утолклась отдыхать.

Утро традиционно началось с ссоры родителей.

— Валя! Вставай!— бодро скомандовал отец и запел «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля». Ни слуха, ни голоса, ни совести у отца не было, пел так, что хотелось бежать, закрывая уши руками и плакать, но он считал себя непризнанным талантом и регулярно демонстрировал вокальные способности, невзирая на психическое состояние слушателей во время и опосля сих рулад. Потарахтел гигиеническими принадлежностями, сходил умыться и вскоре вернулся, уже исполняя «Взвейтесь кострами синие ночи!»

— Серёж… Замолчи Бога ради!— взмолилась сонная мать.— Я спать хочу.

— Валя!!! Ты сюда спать приехала? Могла бы и дома спать! Чё ехать за полторы тыщи километров? Вставай!— отец потащил одеяло с жены и потом с дочери.

Для отца, форменного жаворонка, 6 утра— было время вполне себе активного бодрствования, а для матери, форменной совы, 11 утра— время ещё потягиваться в постели. На фоне разницы биологических ритмов у родителей каждое нерабочее утро начиналось со скандала— отец не понимал как можно не вставать с первыми лучами солнца, а мать не понимала почему не спать в это время. Та же история была и вечером. Отцу нужно было ложиться в 22.00— самое позднее, а у мамы в 23.00— только начиналась активность. И теперь уже мама тормошила папу с разнообразными требованиями.

Юля по своим биологическим часам была неизвестно кто. Вставала рано, ложилась поздно. На ночной сон хватало 4-5 часов и днём хотелось 2 часа поспать с 14 до 16.

— Ваааааляяя!— Серёжа уже тянул жену с кровати за ногу.— Я тебе сейчас водой оболью! Вставай уже!

— Да отцепись ты!— уже орала мама.— Что тебе надо от меня ни свет, ни заря?!

— Завтракать нужно идти!

— Тебе лишь бы пожрать!

— А тебе нет? Валя. У тебя очень хорошие зубы, хоть ты и жалуешься. С плохими зубами, Валя, такое сало на жопе не наешь!— весело хохотал довольный собой папа и ущипнул жену за бок. У папы Серёжи с юмором было как с пением. Но несмотря на скудный запас когда-то услышанных фраз они всегда были обидными. Привыкнуть невозможно.

— Ты долго меня попрекать будешь?— взвилась мама над постелью, окончательно проснувшись.— Я не толстая! У меня сарафан, вон, со студенческих лет!

— А то я не вижу, что ты его с собой возишь, чтобы мне показывать! На тебе я его с тех самых студенческих лет не видел!

— Какое тебе дело? Следи за собой!

— И ты. И ты, Валя, следи за собой! Ты уже в свою шкуру еле вмещаешься! Я фотоаппарат взял, но как тебя фотографировать— не знаю!— картинно развёл руками в стороны и уже хихикал.— Ты ж в объектив не влезешь! И фотографии не печатают таких размеров!

— Ты долго будешь меня оскорблять?!— уже во всю глотку орала мама, выталкивая дочь с зубной щёткой в руке на улицу, в сторону умывальника.

Юля долго-долго чистила зубы, долго-долго умывалась, а родители орать ещё не перестали. Собственно, от этих утренних супружеских разговоров вся остальная база отдыха и проснулась. Подошла соседка.

— Девочка, а кто так кричит?

— Папа с мамой.

— Что-то случилось? Они не дерутся? Может, милицию?

— Нет. У нас так всегда утром.

Соседка потаращила заспанные глаза в пространство, наверняка подумала, что с соседями очень повезло и ушла к себе.

— Ты долго будешь там плескаться?! — орала мама в открытую дверь семейного домика, разбудив тех, кто чудом не проснулся или вдруг снова заснул.

Юля пришла обратно и начали собираться на завтрак. Родители по-прежнему переругивались, выясняя кто толстый, а кто хам трамвайный.

Дочь, как обычно, разрядила обстановку, переключив внимание на себя. Выходя из домика Юля споткнулась, упала и разодрала коленку об ступеньку. Теперь вдвоём орали на неё.

— Когда ты научишься смотреть под свои кривые ноги?!— орала мать дурниной.

— Не ребёнок, а чума какая-то! Тебе глаза на что впереди тебя приделаны? Чтобы ты смотрела куда прёшься!— орал взбешённый папа.— Ещё рыло после поезда не зажило, а она уже коленку разбила! Намажь её зелёнкой!— это уже было указание матери.

— А у нас нету.— пожала плечами мама.— Я такое не брала.

— Ты не знаешь что ли, что она может убиться на ровном месте? Ты не могла подумать взять зелёнку?! Тупорылая! Вообще за ребёнком не следишь!

— Кто бы говорил! Ты следишь, можно подумать, больше моего!

Мелкая капиллярная ссадина внимания не стоила, даже крови особо и не было.

Так, с руганью, дошли до столовой.

Табличка на двери гласила, что столовая открывается в 09.00. Папа взглянул на часы. 07.05.

И пошли обратно.

— Зачем ты меня поднял в 6 утра?!

— Ну, я же не знал, что она с 9 работает!— оправдывался отец.

— Что ты вообще знаешь? Спокойно бы поспали до 8! Собрались бы! И к 9 бы пришли завтракать!— вычитывала недоспавшая мама.— Ты думал, что как дома? Круглыми сутками можно дверью холодильника хлопать?

— Ничего я не думал!

— Вот именно! Ты вообще никогда ни о чём не думаешь! Глаза вылупил и побежал неизвестно куда! И справился! Подумать, может, надо перед тем как что-то делать?

Пришли обратно на базу. Родители продолжали на повышенных тонах выяснять кто умнее, красивее, стройнее и в конце-концов правее. Вышла соседка, разговаривавшая с утра с Юлей.

— Граждане!— обратилась к родителям Юли.— Что вы орёте всё утро? Вы же здесь не одни! Имейте совесть!

— Да просто моя жена— истеричка!— перевёл папа стрелки на маму. Та выпучилась, хватанула воздуха ртом и снова заорала:

— Потому что мой муж— идиот! Поднял всех в 6 утра! Завтракать ему надо! А столовая открывается в 9!

— Ну, да.— согласилась соседка.— Вон, на каждой двери, на каждом домике написаны графики работы близлежащих пунктов бытового обслуживания. Вы читать не умеете?

Родители переглянулись, замолкли и ушли в домик. Юля осталась на лавочке. Через минуту вышла мама и сунула ей пряник в крошках хлеба, оставшийся с поездного тормозка. Юля грызла пряник всухомятку, а родители снова что-то выясняли, но уже гораздо тише. Если отвлечься, то даже почти не слышно.

В 9 отправились в новый поход по добыче хлеба насущного.

Юля на подходе к столовой уже уловила своим чутким носом запах предстоящего завтрака. Запах предсказывал горелую манную кашу и тревожную запиханку. Разом! Каждым из

этих блюд можно было пытать людей, совершивших тяжкие преступления, а уж в дуэте… Равноценно смертной казни. И Юля, так же точно уже знала, что после завтрака её будут бить. Взбешённые родители, разговаривающие друг с другом сквозь зубы, меню столовой, которое Юля не сможет съесть. Ну, да ладно. Не привыкать же!

Юля с тоской ковырялась в тарелке комковатой серой и неприятно пахнущей массы, по поверхности которой разливалось жёлтое пятно растаявшего сливочного масла.

— Ешь давай!— прошипела мама.

— Можно, пожалуйста, я не буду это есть?— спросила Юля.

— Ешь и не выбражай!— скомандовал папа.— Привыкла! Бабушка с омлетиком не прибежит!

— Разбаловали. Уже манная каша не еда. — вздохнула мама.— Я в детстве вообще не выбирала ничего. Что было дома, то и ела! А бабушка твоя голод пережила! В войну, между прочим! А ты сидишь тут, носом крутишь! Не знаешь, что тебе, принцессе, и стребовать уже с родителей! Эгоистка! Всегда так, когда ребёнок один в семье!

Запихнуть это в себя казалось нереальным. Подошли соседи по базе отдыха, тоже с подносами, присели и разговорились. Юля в надежде, что останется незамеченной, выпила свой чай и съела булку, кашу отодвинула подальше, а запиханку подвинула папе. Вдруг, он забудет, что уже съел свою и съест ещё и эту. И нет. Мама заметила.

— Пока кашу не съешь— из-за стола не выйдешь.— отчеканила мама командным тоном и тут же пояснила соседям за столом.— Она у нас очень разбалованная. Единственный ребёнок. И одна на всех бабушек и дедушек. Зацеловали её в жопу так, что никакого сладу нет. Ещё ж и хитрая! Так и выбирает, что бы ей получше и повкуснее.

Юля смотрела на кашу. Каша смотрела на Юлю. Неизвестно, что думала каша. Но Юля понимала, что съесть ЭТО не может никак.

— Мам, пожалуйста… Я не хочу есть. Я уже чай выпила. Я не голодная. Пожалуйста!

— «Я»— последняя буква в алфавите! Тебя вообще не спрашивают чего ты хочешь! Возьми, съешь эту кашу и иди.— мать уже собрала брови над переносицей и решительно подвинула тарелку к себе.— Хорошо. Я буду кормить тебя с ложки. Чтобы вся столовая видела как такую взрослую лошадь кормят! Пусть тебе будет стыдно! Открывай рот!

Ложка с проклятой кашей зависла под носом дочери.

— Открывай рот. — снова сказала мама.— Ты же прекрасно знаешь, что я тебе его открою сама. И кашу ты съешь.

И да, Юля хорошо знала как мама умеет открывать её рот. Садилась сверху, зажимала коленями, закрывала нос одной рукой и давила на углы нижней челюсти другой. Рот открывался.

Юля вздохнула и открыла. Холодная, липкая, как комковатая и мокрая вата, каша заполнила рот. При попытке проглотить, глотку стянуло спазмом и заколoло за ушами, это желудок собирался лично посмотреть на то, что в него хотят запихнуть. Сработал рвотный рефлекс, Юлю согнуло пополам и она чудом не вырвала на стол. Через 1 минуту под столом была и каша, и чай, и булка, и пряник…

— Ой!— засуетилась мама.— Что ж такое? Я думала, что просто аппетита нет! А тут рвота! Отравилась, наверное, чем-то! Что ж такое? Дочечка, ничего не болит? Животик не болит? Сейчас придём и температуру померяем!

Мама полезла под столом с салфетками, папа участливо щупал дочкин лоб.

Завтрак закончился.

Чутьё Юлю не подвело.

В домик она влетела уже вперёд головой и коленями по полу, закинутая мамой. Папа задержался у ближайших кустов, выламывая ветку, называемую «лозиной». Ремня с собой то ли не было, то ли где-то далеко лежал, а очередной воспитательный вопрос отлагательства не терпел. Били, конечно.

— Как пьяный мужик в кабаке! Нарыгала под стол!— орала мама.

— Свинья неблагодарная! Чума! Овца тупая!— орал папа.

— Ты думаешь, что я не понимаю, что ты сделала это специально! Знала, тварина, что на людях бить не будем! Что ты за мразь такая?! Почему у всех нормальные дети, а у меня ты?! Ты понимаешь, что я тебя уже ненавижу за твои выходки?! Я бы тебя, суку такую, убила бы! Ты специально доводишь меня до белого каления!

Били недолго и несильно.

На зарёванную дочь надели белые трусы и белую панаму с нарисованной черепахой из мультика про львёнка и черепаху. Мама в новом купальнике и очень модных больших очках из самой далёкой Франции. Папа, объявивший, что не будет бриться со своей чёрной как смоль щетиной и в моднейших голубых плавках, похожих по покрою на женские, выдвинулись на пляж.

9

Море оказалось чудесным! Тихий и солнечный день, шуршащие волны накатывали на берег. Красивущие камушки и кое-где попадались ракушки, не такие как в пруду, которые Юля уже видела распадающиеся на две половинки, а закрученные. Ещё частенько попадались стекляшки обточенные водой и временем. Зелёные, белые, жёлтые. Но особенно восхитила большая сиреневая стекляшка. И вокруг много песка! Юля песок обожала и много времени проводила в песочнице возле дома, а тут так рыть не перерыть!

Купаться не понравилось. Мама взяла на руки, занесла в воду и несколько раз окунулась вместе с головой, Юля мигом нахлебалась солёной воды и показалось холодно. Выставили на берег строго-настрого запретив приближаться к воде. Не очень-то и хотелось, когда вокруг столько интересного.

Мама очень хорошо плавала, лезла на самую глубину, ныряла и в кои-то веки выглядела счастливой. Папа же, наоборот, плавал как топор и тоскливо слонялся по кромке воды.

— Залазь в воду!— орала мама, перекрикивая и шум волн, и крики чаек, и всех остальных отдыхающих, включая пионерский отряд, который вывели на пляж.

— Да не хочу я в эту воду лезть!— брезгливо отряхивая ноги от песка, говорил папа.— Жарко, противно, вода эта! Гадость! Когда мы уже обратно пойдём? И пива нужно купить.

— Ты задолбал своим пивом, Серёжа! Зайди в море и хоть окунись! Что ты ходишь по берегу, вспотел, воняешь! Залазь!

Мама пыталась и затолкать мужа в воду, и брызгалась, и поливала его на берегу из детского ведёрка, и шутила, и угрожала, и оскорбляла. Всё ни по чём. У папы только дальше портилось настроение и он хотел на море только одного— пить пиво в холодочке и никакие другие радости жизни не могли его увлечь.

Назревала крупная родительская ссора.

Юля вдруг обнаружила чуть в стороне огромнейшую лужу, оттуда родителей было хорошо видно, но к счастью плохо слышно.

А в той луже обнаружились милейшие маленькие-премаленькие лягушечки и очень много головастиков. Каждый из них занимался своим делом. Кто-то куда-то плыл по одному ему известному маршруту и надобностью, кто-то грелся на солнышке, в чистой воде было прекрасно видно и Юля, сидя на корточках, с удовольствием наблюдала за деятельностью фауны. Руками никого не трогала. Кто их знает? Может, им будет неприятно, что какая-то девочка будет их хватать? Они, вон, махонькие какие!

— Юля!— орала мама.— Где ты есть?

Юля вздохнула, поднялась и побрела на голос истошно вопящей матери.

— Где ты была?— трясла дочь за косу.— Я уже весь пляж оббежала вдоль и впоперёк! Я уже думала, что тебя пионеры с собой увели!

— Там.— махнула рукой в ту сторону где была.— Возле лужи. Там лягушечки…

— Какие лягушечки? Чё ты там сидишь возле той грязной лужи? Жаб не видела?! Тебя на море за этим привезли? Чтоб ты по лужам шаталась?!

Отец нервно собирал пляжные манатки в сумку. Было совершенно ясно, что родители что-то снова не поделили, но что именно пока было неясно.

По дороге к домику, когда остались одни, стало понятно.

— Серёжа! Ты обнаглел уже в самый край! Дальше некуда!!! Я!!! Рядом сижу! А он с какой-то девкой кокетничает! Глазки ей строит и комплименты отвешивает! Ты не охренел?!

— Вот именно, Валя! Девке! А она! Твоя ровесница! Только она— девка, а ты— жирная тётка!

— Аааа!— торжествующе заорала мать.— Ты уже и возрастом поинтересовался! А я тебе так скажу! Я тебе дочь родила! А она! Сразу видно! Никчёмная! И замуж её ещё не взяли! И деток нет! Приехала на море! Шлюха! Мужика себе искать! Таких проституток за километр видно! Напялила шорты по самую жопу! Патлы распустила! А ты уже и слюнями капаешь! Ты, думаешь, я не вижу, что ли? Я если бы это чучело не родила, то ещё бы лучше выглядела! Кобель ты проклятый!

— Да провались ты вместе с ней! Надоели! Никакой жизни от вас нет!— плюнул отец под ноги, швырнул сумку и большими быстрыми шагами ушёл вперёд и скоро уже скрылся из поля зрения.

Когда дочь с матерью пришли на базу, отец уже разливал пиво по стаканам себе и девице с длиннющими распущенными волосами.

На обед был, слава Богу и поварам, суп с фрикадельками. Со вторым блюдом не повезло. Жареный минтай смердел так, что с души воротило. Родители продолжали быть занятыми друг другом и что там ела их дочь не интересовались. Если бы ещё не шипели, то обед можно было бы считать спокойным.

Поспать после обеда не удалось, родители выясняли отношения, несколько раз прозвучало слово «развод», вспоминали свадьбу, считали чьи родители сколько потратили денег, швырялись обручальными кольцами… Юля сказала, что пошла в туалет и ушла на улицу. Родители в пылу взаимных претензий, возможно, эту информацию и не услышали.

Юля сходила в туалет, пришла во двор, попила воды в питьевом фонтане, побродила в одиночестве из угла в угол и ушла к душевым.

Все отдыхающие оставили свои мыльно-рыльные принадлежности на полках душевых. Юля долго их разглядывала, потом брала в руки, аккуратно открывала и нюхала. Ставила на место той же стороной этикетки. Были и знакомые пузырьки, и знакомые запахи. И красивые-прекрасивые с незнакомыми запахами. «Импорт» догадалась Юля. Слово уже знала, но что значит не знала. Так называли всякое. И одежду, и еду, и мамину помаду вишнёвого цвета, и духи. Выглядело всегда необычно и пахло, обычно, вкусно.

Попался металлический пузырёк красного цвета с нарисованными цветами. У мамы тоже было похожее, она ним брызгала себе под мышки. Юля подержала его в руках и открыла крышку. Пахло изумительно! Напомнило цветы шиповника у бабушки возле дома. Взяла крышку, села на деревянный настил пола в душевой, нюхала её и смотрела на огромного, чёрного и пушистого паука в уголочке, занятого своей паутиной. «Как котик.» думала Юля, очень

хотела его потрогать, но стеснялась потревожить. «Мягкий такой, наверное. Не буду трогать. Ему точно не понравится, что незнакомая гадкая девчонка отвлекает его… Мама же говорит, что гадкая… И он так подумает. И настроение у него испортится. И бросит строить свою паутину и уйдёт искать себе другое место…»

— Ты чего здесь?— прозвучал вопрос сверху, а Юля вздрогнула и проследила взглядом по совершенно бесконечно длинным и загорелым ногам вверх. А. Та девушка, которая не понравилась маме.

Девушка присела рядом.

— Меня Леной зовут. А тебя?

— Юля.

— Очень приятно!— улыбнулась белоснежными красивыми, как у мамы, зубами.— А сколько тебе лет?

— В августе будет пять.

— В августе?— недоверчиво переспросила Лена и хитро улыбнулась.— А это когда будет август?

— Сейчас июнь. Потом август…— Юля засомневалась.

— Неа!— снова улыбнулась Лена.— После июня июль. А потом август. Ты Юля, а после июня июля.— скаламбурила и улыбались уже вдвоём.— А ещё какие месяцы знаешь?

— Новый год знаю, когда снег и декабрь. Март. 8 Марта у дедушки Вани День рождения. День рождения у него, а подарки дарят и мне. Май знаю. Гости приезжают. И пионеры на Ленина.

— Улица такая? Ленина?

— Да. Они там ходят с цветами и флажками. И песни поют.

— А кто такой Ленин знаешь?— продолжала беседу Лена.

— Нет. Не знаю. Знаю, что дедушка. Лысый такой. На значках его рисуют.

— Ну, скоро узнаешь. Пойдёшь в школу, будешь октябрёнком, потом пионером, а потом комсомолкой и будешь знать кто такой Владимир Ильич Ленин.— заметила в руках крышку. — А зачем ты это взяла?

— Простите… Я не сломала. Я только нюхала… Я больше не буду! Простите, пожалуйста!— сказала Юля дрогнувшим голосом и отдала крышку в руки Лене.

— Понравилось как пахнет? Хочешь и тебе чуть-чуть брызну? И тебе будет хорошо пахнуть.

— Хочу!

Лена брызнула чуточку дезодоранта на запястье Юле.

— Вот, пока ручки не помоешь, тебе будет пахнуть. А если надоест раньше, то просто с мылком помой и всё. Тебя к родителям отвести?

— Не надо. Я сама пойду.

Лена замешкалась и Юля догадалась:

— А! Вы же выкупаться пришли, наверное! А тут я!

Юля поднялась с пола и вышла из душевой.

Где-то вдалеке слышалась «Ламбада». Наверное, самая популярная песня того года. Юля её даже пела, но всегда про себя, потому что папа не выносил проявлений самодеятельности и всегда одёргивал фразой: «Не выбражай!»

И Юля пошла на звук. «Колэ дэ сэфо кэлумбия шорогэ жуурааа! Колэн дола колэндыя эмуш колэндыя эмулиш жуураа!» Казалось, что поют это, во всяком случае, так было принято петь в детском саду «Ласточка», там все были согласны именно с этим звучанием мирового хита.

Продравшись через кусты девочка вышла к кафе с верандой, где отдыхали люди и осторожно прошла к танцполу. Там красиво виляла бёдрами в очень короткой и ярко-малиновой юбке в складку молодая девушка и увидев Юлю, схватила её за руки и закружила в танце.

Ну, что тут сказать? Это было прекрасно проведённое время! «Ламбаду» ставили через песню, ещё была Азиза со своей: «Милый мой, твоя улыбка! Ранит, манит, обжигает!» и что-то ещё. Юля танцевала снова и снова, потом её посадил на своё колено красивый дядя с рыжей густой бородой и в белых штанах, и в белой рубашке, и принесли мороженое с тёртым шоколадом, орехами и крошками печенья. Дядина спутница подливала лимонад и приговаривала:

— Аккуратненько… Пусть мороженое чуточку подтает, чтобы горлышко не заболело.

И все улыбались.

А потом снова были танцы и Юля танцевала и кочевала с рук на руки, и все хлопали и смеялись, а потом уже какой-то другой очень высокий дядя подхватил Юлю на руки и подбросил вверх! И крикнул своей спутнице:

— Маришка! Выходи за меня замуж! Роди мне такую девчонку! Я буду самым счастливым!

Маришка улыбнулась ещё шире, порумянела щеками и согласно кивнула.

Ни одному человеку не пришло в голову поинтересоваться чей ребёнок!

Бенефис был прерван отцом с лозиной.

Оказалось, что стемнело уже давным-давно и столь же давно Юлю ищут всей базой отдыха, с минуты на минуту прибудут вызванные спасатели, ибо все убеждены, что ушла на море и смыло волной.

Когда отец пригнал дочь домой как загулявшую скотину, мама орала на Лену:

— Ты видела, что она одна?! Ты дебилка! Ты не могла её привести к родителям?! Или ты сама отвела её на море и утопила, чтоб тебе мужик без алиментов достался?

Потом Юлю затащили в домик и били. Долго и размеренно. Приговаривая что очень волновались, потому как любят.

— Чем воняет?— среди ночи громко спросила мама. Попринюхивалась и поняла что от дочери. Подняла с постели и трясла сонную.— Чем, спрашиваю, от тебя воняет?! Чем намазала руки?

— Я-я-я… Ннне мммазала… Ди-ди-ди-за-рант…

— Где ты его взяла?

— В душе… Лллена брызнула… Чтобы пахло…

— Какая Лена?— вела допрос мама.

— Красивая, в шортах…

— Вот! Пожалуйста! Лена ей красивая, а мать некрасивая! И воняет теперь как эта шлюха!— и переключилась на столь же сонного и не очень трезвого мужа.— Ты этого добивался? Чтобы она мать ни во что не ставила?! Я же вижу, что ты её нарочно против меня настраиваешь!!!

Наутро мама снова пошла к Лене выяснять отношение и та, уже к обеду, покинула территорию базы отдыха с сумками и чемоданами, отбыв в неизвестном направлении.

На этом, конечно, всё не закончилось. Мама откровенно гордилась тем, что спасла семейное счастье от развода, заставив ликвидироваться разлучницу, бесконечно тыкала папу носом и отвечала дочери «У Лены спроси», «У Лены попроси», «Новая мамка Лена даст» и т.д.

Таким образом приблизительно с не большими и непринципиальными отличиями все три недели отдыха. Ругань с утра, ругань в столовой, ругань на пляже и ругань на сон грядущий. Иногда, для разнообразия, драка родителей или подзатыльники дочери.

А Лену вспоминали ещё добрых лет 10, когда выяснилось, что она в своих шортах, которые неимоверно раздражали маму, присутствует на многих фотографиях в семейном альбоме.

Уж, отдохнули, так отдохнули. Юле очень хотелось в детский сад.

10

Как-то так получилось, что Юля попала в детский сад в группу не своего возраста, то ли мест не было и временно, то ли кто там уже помнит, но в 1991 году её группа дружно отправилась в 1 класс, а Юлю оставляли ещё на год. Такой вариант её категорически не устраивал и она, проревев несколько дней после этой новости, сумела достучаться до родителей в своих желаниях. Основным аргументом было: «Я хочу уметь читать!», а своим желанием познавать мир посредством литературы она порядком раздражала родителей. На День рождения в конце августа они вручили серый дерматиновый портфель с нарисованным котом Леопольдом и Юля вместе со своей родной группой пришла в 1 класс, добавились ещё новые детки и собрались 32 первоклашки.

Как раз, в это время кем-то проводился эксперимент, то ли местное ГорОНО такое придумало, то ли из Минобр РСФСР спустили задачу, но 1 класс (единственный в городе) организовался на базе детского сада. И это было лучшим решением для вчерашних детсадовцев.

Утро начиналось с завтрака, потом были 3 урока подряд по 30 минут с переменами, из предметов были только «Русский язык», «Чтение», «Математика» и «Труды». Потом прогулка во дворе или близлежащем парке, обед и тихий час. То есть, детям вложили в утренние и свежие головы новые знания, потом они выплеснули всю свою энергию на свежем воздухе, покормились и дружно уморившись с удовольствием укладывались поспать. Тихий час ещё был прекрасен своими двухэтажными кроватями. Взлезть как можно выше— это ж мечта любого ребёнка! Дабы не было конфликтов, воспитатели решили, что детки будут меняться этажами каждые 2 недели и дня, когда придёт очередь спать на втором этаже, ждали все без исключения.

После сна был полдник и внеклассные занятия. Внеклассные занятия проводились в классе, можно было делать всё что угодно, но именно за партой и не мешать другим. Обычно это были разнообразные раскраски под чтение вслух интересной книги в исполнении воспитателя. Потом кормили ужином и снова выпускали на улицу, родители забирали с прогулки. Домашних уроков не задавали никаких.

Детям и родителям такой расклад нравился неимоверно. Но в этой бочке мёда всё же была и ложка дёгтя. Первая учительница. Молодая, с высоким начёсом русых и кудрявых волос, с ярким макияжем по моде тех лет, вот эти все сиреневые и розовые помады, зелёные и голубые тени для век, в красивых платьях, всегда на высоченных каблуках. Несмотря на красивое имя, Лилия Алексеевна была очень злой и беспрестанно орала, оскорбляла и только что не материлась и не била детей. И ещё. Её ноги были покрыты огромными прыщами, воспалёнными и с белым «созревшим» содержимым. Были заметными даже через колготки. Что это такое и почему не пряталось— осталось загадкой. У всех детей эти прыщи вызывали первобытный страх, инстинкт самосохранения подсказывал держаться от больного человека как можно дальше. Собственно, этот же инстинкт заставляет и взрослых людей бояться покойников. Ибо непонятно чего он умер, а вдруг заразное и я следом. Так вот. Считалось, что если дотронуться до Лилии Алексеевны или до её стула, или до её вещей, то с ребёнком будет то же самое, но уже не только ноги, а целиком. Старались даже обходить по большой дуге. А в свободное время ещё и пугали друг друга страшилками!

К счастью, она недолго была учителем 1Е класса и под Новый год ушла в декрет. Что такое «декрет» было вообще непонятно, но отсутствие Лилии Алексеевны обрадовало всех.

И пришла Наталия Владимировна. Тоже молодая, высокого модельного роста, стройная, даже худенькая, с гладкими длинными каштановыми волосами, мягким голосом и таким же характером! С ней первоклашки сразу стали «зайчиками-белочками-котиками-булочками-солнышками-бусинками-умничками», хотя буквально неделю назад, до её прихода, были «дебилами-имбецилами-олигофренами-идиотами».

И учебный процесс изменился тоже. Теперь у каждого была открыточка на которую наклеивались звёздочки разного цвета. Красная— это 5, отлично. Зелёная— это 4, хорошо. Жёлтая— это 3, нужно постараться. Двойки и колы, которыми сыпала Лилия Алексеевна были упразднены и за ненадобностью тоже. В конце месяца открыточки сравнивались и каждый получал одну большую бархатную звёздочку, только красная была бархатной, а ещё и блестящей и, конечно же, всем очень-очень хотелось именно красную! У Юли получилось даже 4 блестящих красных звёздочек! Успеваемость у всего класса была прямо хорошей, детки бодро читали, писали и считали. А ещё всем очень нравилось посреди урока, когда Наталия Владимировна говорила: «Минуточка отдыха!» все дружно вставали, выходили из-за парт, трясли кистями кто как считал нужным под стишочек: «Мы писали, мы писали, наши пальчики устали! Мы немножко отдохнём и опять писать начнём!».

Наталию Владимировну обожали все. Нарвать букет из одуванчиков или сплести веночек, приберечь печеньку или вафельку после завтрака, или принести из дома конфетку— это было в порядке вещей, но когда один мальчик принёс из дома золотой перстень своего отца для учительницы, то тут уже нужно было что-то делать. Наталия Владимировна собрала родительское собрание, конечно же, вернула перстень и долго говорила родителям какие у них чудесные, прекрасные и умные детки. А потом поговорила с детками и всем стало совершенно ясно, что сладкое Наталии Владимировне ни в коем случае нельзя кушать (слава Богу, что дети не решили на этот случай сосиски или гуляш по карманам припасать!), потому что она боится поправиться, а можно дарить только одуванчики или любые другие цветы, но обязательно собранные самостоятельно! А ещё узнали, что больше всего на свете любимая учительница любит обниматься. Дети приняли во внимание и каждое утро при встрече и каждый обед при прощании по очереди, а и иногда и все вместе обнимали любименькую Наталию Владимировну. И так все 4 года до конца начальной школы. И до конца 11 класса первым делом при встрече с первой учительницей, а именно её считали первой, нужно было обязательно обняться.

К концу первого класса Юля уверенно держала первое место по количеству читаемых в минуту слов, чему несказанно удивлялись родители. А дома пыталась читать всё, что попадалось под руку, но кое-что, конечно откладывалось. Ибо, осознать в возрасте неполных 7 лет «Поднятую целину» было ещё сложно, но «Нахалёнок» уже был вполне понятен.

Так же, Юлю стали отпускать на улицу без сопровождения взрослых. И началась дворовая социализация. С Викой было здорово играть в куклы и мастерить им платья из подручных материалов; с Леной мотыляться на турнике, делать «солнышко» на дворовых качелях, лазить по деревьям, рыть тоннели в песочнице, стремясь к ядру нашей планеты; с Антоном, Серёгой и Артёмом сигать через траншею, прорытую для газовой трубы (о, сколько в тот год было поломанных детских рук и ног во дворе!), с соседкой бабой Шурой играть в карты на лавочке, дразнить брата Лены Игоря «женихом и невестой, тили-тили-тестом», когда он, старшекласс-

ник, несёт сумку одноклассницы; гулять с соседской, чёрной как смола и бесконечно радостной, спаниелькой Линдой; дружить со взрослой Виолеттой, у которой маленький сын в синей с цветочками коляске, муж высоченный красивый лётчик и слушать про солнечный и жаркий Ашхабад, откуда она родом; скакать в «десяточки» на скакалке, в классики или в резиночки и рисовать мелом зайчиков на асфальте с Мариной и всем двором дружно не любить Снежану, потому что она— задавака, плакса и «ябеда-корябеда, солёный огурец, по полу валяется, никто его не ест» и Лёшу, потому что он сам дурак, а ещё и дерётся! А когда стемнеет, то играть в прятки или в казаков и разбойников.

Четыре пятиэтажки, каждая на шесть подъездов давали широкий и разнообразный круг общения.

Так же были систематически битые колени, локти и нос, полные трусы песка и заходившую домой с улицы Юлю за шкирку закидывали в ванну, чтобы она там и раздевалась, потому что нужно было бы делать генеральную уборку от той пыли, грязи и репьёв, которые она на себе приносила.

— Кошмар какой-то, а не ребёнок… — приговаривала мама пока дочь мылась.— Соседская Юленька… Ребёнок как ребёнок. В капроновых колготках гуляет. И в целых возвращается! И с бантом идёт гулять! Такая хорошая и ответственная девочка! Этой же дуре если бант завязать, то она на нём повесится на ближайшем заборе! Не девочка, а горе!

И это было правдой. Соседскую нарядную шестилетнюю Юленьку выставляли на улицу с коляской, где беспрестанно орал её младший брат, а она несколько часов неподвижно охраняла (читай— выгуливала), пока их не забирали родители. Повеситься на банте ей было сложно.

11

Вместе со сменой учительницы в стране случился и государственный переворот. СССР перестал существовать, а к власти приходила Российская Федерация. По телевизионным двум каналам балет «Лебединое озеро», а чуть позже и новости, в кадрах которых танки, чёрные окна Белого дома, военные и мирные кричащие люди. Встревоженные и озабоченные взрослые, привыкшие к стабильности советской власти говорили много новых слов: декларация, суверенитет, референдум, инфляция, девальвация, Беловежские соглашения; новые фамилии: Шушкевич, Ельцин, Кравчук. Закатывали глаза, заламывали руки и говорили о «сгоревших вкладах» на сберкнижках.

Пока сильные мира сего делили власть, встали заводы и разнообразные производства, началась безработица, то что продолжало работать больше не приносило реальных денег ни производству, ни работникам, полупустые полки на огромных торговых площадях, а потом и вовсе пустые, деньги обесценивались бесконечно— если сегодня на твою зарплату ты можешь жить месяц, то завтра ты можешь купить на неё средненькие сапоги, а на следующий день тех же денег тебе не хватит на булку хлеба. В этой благоприятной среде прекрасно начал развиваться всякого пошиба криминалитет, милиция оказалась недееспособной, как и местные власти. Почва из-под ног была выбита всем и нужно было уже начинать жить в новых условиях, учиться некогда.

Рухнул «железный занавес» и в страну мощным потоком хлынул импорт, тот который раньше был единичным, дорогим и труднодоставаемым. Сначала в крупные города, а потом и во все остальные. Покупалось и на свои и на долговые, привозилось и перепродавалось всё подряд, а зарплата полученная велосипедами обменивалась на такую же зарплату полученную мукой, по курсу, а привезённый из Москвы кассетный магнитофон менялся на тушёнку, которая в свою очередь менялась на трусы, а трусы снова продавались за какие-то актуальные на тот момент деньги или менялись дальше. Началось десятилетие тотальной коммерции.

Дети жили свою детскую жизнь и искренне не понимали происходящего.

Мама Юли посмотрела на это всё, уволилась со своей работы, где работала экономистом, взяла дорожную сумку, все имеющиеся дома деньги, подругу, жену друга отца, тётю Аню и вместе укатили в Москву.

Домой вернулась через несколько дней с несколькими уже сумками забитыми разнообразной одеждой. Мама с тётей Аней уезжали раз в две недели, потом к ним присоединились ещё две подруги, им стало удобно покупать купе в поезде только на свою компанию, жена друга отца тётя Ира, работавшая в кассе на железной дороге, всегда обеспечивала их билетами и туда и обратно, даже если их нельзя было купить просто так и сумок привозимых мамой становилось уже столько, что было совершенно непонятно как один человек может это всё утащить.

На телевизионные каналы, у многих ещё в чёрно-белых телевизорах, хлынула бесконечная и яркая реклама, а всё что там показывалось уже было у Юли дома. Шоколадные батончики коробками, в кухне стояла коробка со жвачкой, потому как она «с ксилитом и карбамидом», что невероятно полезно; яркие и модные вещи— дольчики, слаксы, лосины; в маминой косметичке ещё был тональный крем «Балет», но там уже были и «Руби Роуз», и «Кики», и «Диор»; и уходовые «Вош энд Гоу» и «Хэд энд Шолдерс» стояли в обновлённой ванной. Так же поменялась мебель и сделался ремонт— обои с шелкографией и шторы с люрексом, и бархатные дивандеки, и хрустальная люстра, и новейшая бытовая техника— новый телевизор, новый холодильник «Стинол» взамен «Морозко», видеомагнитофон с кучей кассет, кассетный магнитофон с усилителем и колонками, видеокамера, игровые приставки менялись на всё более и более новые, микроволновая печь.

И неожиданно началось половое воспитание у уже семилетней Юли.

Папа очень полюбил порнографический жанр разных стилей и направлений. Юля накануне смотрела «Золушку» и не досмотрела. После Юли свою кассету смотрел папа и не достал её. Юля нажала кнопку «Воспр.» и ошалела от увиденного. Порнушный фильм 80-х годов про Екатерину— это вам не вылизанное порно конца 90-х! Юля смотрела пока не затошнило. Достала кассету, кинула на журнальный столик и перебила впечатление запланированной «Золушкой».

— А ты смотрела сегодня видик?— вечером осторожно поинтересовалась мама.

— Да.— кивнула Юля.

— А там была кассета?

— Была.

— А ты её смотрела?

— Да.— снова подтвердила Юля.

Мама посмотрела на дочь большими глазами и молча ушла.

Несколько дней мама молчала, наорав на папу, естественно, а потом пришла к дочери с разговором.

— Ты помнишь про кассету, про которую я спрашивала?

— Помню.

— Ииии… Что ты поняла?

Юля, которой воображение подсунуло одну из увиденных картинок, передёрнула плечами.

— Слушай.— сказала мама.— То, что ты видела и то, что они делают— это гадко. Это плохо. Это то, что мальчики и мужчины делают с нами, с девочками и женщинами. Это мерзко, но они нас заставляют. Так делать нельзя. Это как в носу ковыряться и есть козявки! Помнишь, я на море кричала на папу из-за тёти Лены? Так вот. Твой папа хотел это делать с тётей Леной. Как уже делал с другими женщинами. А потом он приходит домой, от другой тёти, и трогает нас своими грязными руками! Вот если папа пьяный пришёл, то он точно был у какой-то из своих проституток! А потом к нам лезет!

И с этого момента мама начала посвящать дочь во все подробности своей личной жизни и амурных дел отца.

Мама не представляла возможным иметь симпатии на стороне, равняя всех мужчин по своему отцу- семьянину, а папа не считал нужным хранить верность когда вокруг столько интересных женщин, но винил в этом маму говоря ей, что не собирается «себя насиловать близостью с ней» и будучи человеком очень активным, умеющим завязать и поддержать разговор всегда находил себе знакомства и встречи. А так, как маленький провинциальный город предполагает как минимум «шапочное» знакомство, то нюансы адюльтера скоро становились известны маме, за всем этим следовал грандиозный скандал и пересказ Юле где, с кем, когда был папа и чем занимался.

— А твой папка сегодня у нас был!— поделился на лавочке сосед Сашка, с которым вместе пережидали дождь и собирались опять лезть в песочницу.

— Зачем?— удивилась Юля, потому что семьями не дружили и в гости не ходили.

— Не знаю! Мама дала денег на мороженое и сказала идти гулять. И приходить уже на ужин, а просто так не бегать и грязь не носить, она убираться будет. Дядя Серёжа, наверное, помогать. А знаешь что я тебе по секрету про них скажу?— понизив голос спросил Сашка и получив утвердительный кивок, продолжил.— Они на кухне курили!

— Папа не курит…

— Вдвоём курили. Я зуб даю!

Юля пришла домой и рассказала маме, что её мужа подозревают в курении, мама сделала свои выводы. Вечером был концерт по заявкам— мама орала на папу, а папа потом орал на дочь.

— Не обо всём, что знаешь нужно языком своим поганым трепать!— тряс отец Юлю за шкирку.— Свинья неблагодарная! Скотина! Кто тебя за язык дёргал?! Почему ты ещё не научилась его за зубами держать, сволочь такая! Чума! Чё ты рот свой раззеваешь? Не было меня там! Набрехала на родного отца! Из-за тебя теперь скандал дома! Овца тупая! Идиотка! Мразота просто! Предательница! Ты теперь всегда будешь для меня предательницей! Ты мне не дочь!

Мама, выдохшись от своего ора, вяло заступалась. Отец врезал дочери пощёчину, хлопнул дверью и ушёл.

А на следующий день зашла соседка и рассказывала уже подробности, полученные от Сашкиной мамы прям при Юле.

— Говорит, подошёл ко мне и спрашивает «Барыня, а Барин ещё ж сидит?», а эта прошмандовка отвечает: «Сидит.», «Долго сидит?», «Да 5 лет уже.», «А долго ещё сидеть?», «А ещё 6.», «Ну, я к тебе зайду? Тебе ж, наверное, хочется?»— пересказывала соседка диалог случившийся перед визитом.— И зашёл. Говорит, что прям хороший мужик! Вот же какой! Только ты никому не говори, что это я тебе рассказала.

Таким образом, знали все и всё.

Мамины же рассказы вызывали апатию и отвращение и к папе и к самой маме за её жалкий вид и заплаканные из раза в раз глаза. Мама выливала ушат этого взрослого дерьма на голову своей дочери и продолжала заниматься зарабатыванием денег, бытовыми вопросами и жить с мужем.

12

А за месяц до Дня рождения Юли случилось настоящее чудо.

Мама в очередной раз приехала из Москвы, дочь забрали от бабушки, вся квартира была завалена сумками, вещами, обувью, забегали соседки, что-то мерили, что-то разглядывали, выбирали, покупали, Юля слонялась из угла в угол в новой футболке вырвиглазовой расцветки с нарисованным Вжиком из «Чипа и Дейла» и впервые жевала «Эм энд Эмс».

— Что ты бродишь как неприкаянная?— на каком-то кругу перемещения спросила мама. — Подниму тебе настроение! Но это— подарок на День рождения, другого не будет, не жди.

И через одну минуту вручила дочери куклу Барби. Настоящую, от компании «Маттел», в розовой коробке!

Юля сначала не поверила глазам, потом поверила. Потом испугалась, что не ей. Потом поняла, что ей, раз на День рождения. Потом испугалась, что отберут. Потом представила как передарят, сказав в очередной раз: «Взрослая уже фигнёй страдать!». Держала в руках коробку и слёзы наворачивались, предвкушая обиду.

— Это… Мне?— подняла глаза на маму.

— Тебе!— подтвердила мама.— Твоя. Ты же хотела?

— Хотела. А… Совсем мне? Или снова поиграть?

— Совсем… Тебе… — задумалась на секунду мать.— Но у тебя будет одна. Она прямо очень дорого стоит. Как хорошие итальянские сапоги. И я полдня простояла за ней в очереди в «Детском мире».

— Спасибо!— завизжала Юля и кинулась обнимать маму.

— Иди уже. Не путайся под ногами.— мама поцеловала заплаканную от восторга дочь и обняла.

Юля не верила своим глазам. Настоящая! Не воняющая неизвестно чем кривоногая подделка как у большинства дворовых подруг… Потрясающе красивая златовласая Барби! Шикарная грива волос, собранная в «мальвинку» (между прочим, самая нарядная причёска для девочек того времени!) розовым бантом, розовые туфли на каблуке, белоснежный купальник, белоснежная же юбка с розовой отделкой и серебряными нитями, с кучей фатиновых подъюбников для пышности… Барби балерина! Мечта девочки, болеющей танцами и балетом в частности и страстно желающей заморскую красавицу! От восторга перехватывало дыхание!

Несколько дней Юля не могла оторваться от новой игрушки, хотелось показать всему миру эту невероятную красоту, но мама строго- настрого запретила выносить во двор, да и самой было страшно— вдруг кто-нибудь поломает эти прекрасные длинные ноги, гнущиеся в коленях неведомым механизмом или испачкают, ведь сама Юля, прежде чем взять куклу в руки тщательно их мыла. Целых 4 года кукла Барби была любимейшей игрушкой. А ещё мама начала выписывать детские журналы в которых периодически были выкройки для одежды. А потом мама попросила у своей подруги, работавшей на швейной фабрике и подрабатывавшей в ателье, красивых лоскутов. Прямо КРАСИВЫХ! И папа привёз домой натурально мешок! И у Барби были самые- пресамые красивые платья!

— Значит так. — строго сказала мама.— Раз у нас такое дело, раз бесконечно что-то шьётся, то пока иголка не воткнулась в чью-нибудь задницу, слушай сюда внимательно. Вот тебе одна иголка, и не таскай все, в ней всегда должна быть нитка завязанная на узел и будет эта иголка всегда храниться в этом.— протянула дочери пенальчик от помады внутри которой был плотный поролон, куда и была воткнута иголка.— Понятно? Не дай Бог будет иначе, я эту лавочку «Сумасшедшая портниха» мигом прикрою. Понятно?

— Да.— ибо понятнее было некуда.

Юля очень любила вечер пятницы.

Приходила из школы, впереди два выходных дня и в 16.10 по первому каналу начиналась сказка. Под эту сказку было так здорово шить, Юля специально оставляла на это время что-то такое, что шить было долго, включала настольную лампу и под любимейшие «Королевство кривых зеркал», «Морозко», «Варвара-краса, длинная коса», «Финист ясный сокол», «Сказку о потерянном времени» и многие другие с удовольствием шила любимой кукле.

В пылу своих фантазий в построении платьев, Юлю какие-то черти привели к болгарской кружевной тюли с люрексом. На эту тюль, стоившую каких-то совершенно ненормальных денег, ходили смотреть всеми близлежащими домами, когда её только повесили. Юля взяла ножницы и вырезала понравившийся ей цветок. И только отрезав, поняла что сделала.

Дыра получилась размером с детскую голову.

Железная детская логика подсказала выход— задёрнуть теневую штору, чтобы не было видно. То, что рано или поздно её отдёрнут, даже не представилось возможным.

— Ты представляешь?— рассказывала вечером мама папе.— Галькина Янка вытворила! Галька сегодня рассказывала на базаре. Янка отшмонала кусок шторы куклам на платья! Вот, её куклам, дескать нужнее! Никому больше ничего не надо! Только её куклам! Нет бы ещё хоть где в углу отрезала! Она в середине! Галька домой пришла и охренела!

Юля почувствовала физически как сгущаются тучи над её головой… И как-то сразу поняла, что час расплаты близок.

Утром мама отдёрнула штору и обомлела.

— А ну-ка иди сюда! Это что такое?!— спросила у подошедшей дочери.

Юля молчала.

— Вы совсем, что ли, дети?! Вы с ума посходили?! Ты зачем это сделала, дрянь?! А?! Ты знаешь сколько я за неё отвалила?! Барби на платье?!

Юля молча кивнула.

— Это пиздец. Юля. Это просто пиздец. Насколько нужно быть тупоголовой, чтобы это сделать?— мать ухватила за косу.— Я тебе сейчас косу отрежу! Тебе понравится?! Зачем ты изуродовала тюль, лярва?! Ах, ну да… Платье ж Барби… Убить мне тебя что ли?! Раньше б убила, уже б отсидела… Тварина какая-то… Сколько от тебя ещё выходок терпеть?! Хоть бы у тебя дети такие же были как ты. Вот тогда узнаешь.

И на этом всё закончилось.

Мама сняла тюль, разрезала на два полотна, вырезав покалеченное дочерью место, подшила на швейной машине и повесила обратно. Ненужный уже кусок отдала Юле.

— На. Тебе нужнее, швея-мотористка. Ещё на 10 платьев хватит. Ещё раз такое отмочишь, точно убью.

Визуально особо ничего и не поменялось, но теперь стало удобнее выходить на балкон, слегка отодвинув одну половинку, а не протаскивая по багете три метра полотна из общих семи.

Вечером мама спокойно рассказала папе о случившемся.

— А ну, иди сюда, скотиняка такая!— заорал папа.

В кухню пришла дочь, она точно знала, что «скотиняка»— это обращение к ней.

— Серёж… Бог с ней с той шторой… Я уже исправила. Пойдёт. — мама махнула рукой на дочь.— Иди. Занимайся своими делами. — и снова обратилась к мужу. —Я тебе вот что скажу… Уже несколько недель думаю. Когда отдала ей Барби, то она спросила: «Совсем мне? Или снова поиграть?»…

— И что?— недоумевал отец, прожёвывая ужин.

— Ты не понимаешь? Почему она так спросила? «Снова поиграть.» А если она… Обиделась. Тогда. Помнишь, когда мы Ольге кумовой купили ту куклу, а нашей дали поиграть. А потом передарили… Может, обиделась?

— Да ну. Она про неё уже и не помнит. Да и вообще! Ну, и какая разница? Обиделась и обиделась. На обиженных воду возят.

— Ей много чего в руки дали, а потом забрали… Я тоже думала, что она тут же забывала об этом. Но похоже нет… «Снова.» Понимаешь? «Снова.» И я сегодня на неё начала орать… А она на меня смотрит. В комок сжалась, но стоит и молчит. Я в глаза её посмотрела… А там… Она же меня боится... Вдруг, она хотела ту юбку табачную, или колготки какие-то, я ж даже не спросила какие ей оставить. Отдала чужим детям, забрав у своей…

— Ещё осталось! Спрашивать! Что она понимает?!— возмутился отец.

— А вдруг понимает? А вдруг ещё и помнит! До сих пор.

— Дети себя помнить начинают лет с десяти, наверное. Нихрена она не помнит. Да и какое тебе дело?

— Просто интересно.— пожала плечами мама.— По-моему, нужно с какой-то другой стороны к ней подход искать. И тебе тоже.

— Вырастет и будем договариваться. Она вообще ещё не человек. И даже не полчеловека, чтобы к ней подходы искать. Сопля ещё. Её дело— подчиняться и уроки учить. И не пакостить. А за штору неплохо бы ремня дать.

— Я на будущей неделе в Москву поеду, Зина заказала какой-то пояс-резинку. Где-то в журнале видела. Чёрт его знает где искать и нужен ли он кому-то ещё кроме Зины. Один для неё везти или сразу кучу?— перевела мама тему.

13

Осенью 1992 года началась прямо школа. Уже 2 класс. Отправились туда всё тем же детским коллективом с которым сидели на горшках в первые годы детского сада и с любименькой Натальей Владимировной.

Школа Юле нравилась. Большая, на 3 этажа, светлая и просторная. Нравились панно во всю стену с картинами природы по всей школе, кроме 2 этажа, где обитала начальная школа— там были картины с персонажами из советских мультфильмов, нравились питьевые фонтаны, высоченные подставки с цветами и лианы, плетущиеся по стенам. Нравились красивые жёлтые шторы в уютном классе, через них так здорово пробивались солнечные лучи, нравилась интересная доска с прорезиненным покрытием по которому так приятно было рисовать цветными мелками к приходу любимой учительницы симпатичных зайцев и солнышки с сердечками. Нравилась школьная форма и нарядный кружевной фартук, коричневый повседневный бант, стягивающий на макушке подвёрнутую калачом косу, нравился фиолетовый импортный портфель с яркими надписями. Нравился красный спортивный костюм и малый гимнастический зал в котором учитель физкультуры, лысый и смуглый бывший военный, Сергей Михайлович своим зычным голосом говорил: «Стройтесь, малявки! От самой большой малявки до самой мелкой малявки!», малявки дружно смеялись и строились. Понравилось после школы собирать каштаны в портфель и таскать их домой, потому что ну невозможно определить какой из них красивее и хотелось забрать все! (Мама их потом на помойку выносила вёдрами!) Нравился школьный двор по осени цветущий астрами, но больше всего на свете нравилась библиотека. Школьная, правда, быстро наскучила из-за своей скудности— много учебников и научной литературы.

А вот Центральная библиотека! Началось со знакомства с книгами, указанными списком для чтения летом в учебнике 2 класса, они быстро закончились и работники детского отдела начали предлагать на своё усмотрение. Тут тебе и всевозможные сказки народов мира, и «Волшебник Изумрудного города», которых 7 частей, и все 4 части «Незнайки», и Астрид Линдгрен со своими «Пеппи Длинныйчулок» и «Малыш и Карлсон», и Милн со своим «Винни-Пухом», и Успенский со своим «Чебурашкой» и «Простоквашиным» и много всего-всего увлекательного и занимательного. Юля с удивлением обнаружила, что множество мультфильмов снято именно по книгам и стало ещё интереснее— посмотрев мультфильм можно было прочитать ещё и книгу, а прочитав книгу и смотря мультфильм можно было ещё дополнять своими воспоминаниями книги, сюжетами которые не вошли в мультипликационную версию.

А потом Юля открыла для себя энциклопедии! И это был такой мощный поток информации! По телевизору говорят о Бермудском треугольнике, ага, интересно. Треугольник в Саргассовом море, согласно энциклопедии, а Саргассово море— самое необычное море так как у него нет чётких границ, там загадочные длительные штили и оно образовано течением и водорослями саргассами, а саргассы— это «морской виноград», образуют «луга океана» и затрудняют прохождение кораблей! А тут и «Остров погибших кораблей» Беляева, который с художественной точки зрения подкрепляет полученную уже сухую информацию. А где Беляев, то

там и интереснейшая «Человек-амфибия» вместе с экранизацией, которую чудесным образом показали по телевизору прямо сразу после прочтения книги.

И так по любому поводу. Любую информацию можно было найти в библиотеке и даже записать, чтобы не забывалось и для этого была заведена толстенная общая тетрадь, куда Юля писала всё, что ей понравилось— от смешных или серьёзных фраз до фактов. И с удовольствием делилась полученными знаниями со всеми желающими услышать. И учёба тоже давалась легко и приятно, а особенно восхитительный русский язык и потрясающая литература. В это же время для Юли открылась поэзия— началась с «Конька-Горбунка», а потом дело дошло до Пушкина и Крылова с его баснями.

14

Дома же находиться было всё страшнее и страшнее.

Папа всё чаще приходил выпившим уже или с алкоголем, немедленно по приходу употреблявшимся. И всё громче, оскорбительнее и безобразнее были его претензии к маме.

— Посмотри на себя! Валя! Как тебе не стыдно?! Ты— натуральная свинья! В тебе сколько килограмм? Двести?!— снова и снова орал отец в лицо своей жены.— Тебе самой не противно?! А?!

— Да потому что я жру что попало и когда зря!— орала мама.— Ты сам попробуй хорошо питаться в поездах, да по вокзалам с базарами! То булки, то хот-доги, то бутерброды! Я что? Могу себе позволить кефирчик лакать да огурчик свежий жевать для стройности?! Я упаду с этими сумками и хрен встану! Скажи спасибо, что водку не пью как все бабы на базаре при морозе, чтоб не околеть!

— Ты? Упадёшь? Ты как бульдозер прёшь!— прям уже визжал папа.

— Да я б не была бульдозером если бы ты нормально зарабатывал! Твоя зарплата— это с Гулькин нос! Я за один хороший базарный день делаю маржу больше, чем ты за месяц приносишь! Закрыл бы ты свой рот и сидел хотя бы молча!

— Кто тебе, чуме, виноват? Что ты с высшим образованием по вокзалам таскаешься? Ещё в заслугу себе ставит, что она водку не пьёт! Нашла бы себе хорошую работу и не шлялась со своими сумками! Придёшь хоть куда! Хоть в администрацию, хоть в налоговую, хоть в банк! А там женщины красивые! Ходят и каблучками цокают! С причёсками да в юбках! А ты! Рожа красная, потная, с этими сумками! Как тварь! Страшная! А женщина должна быть красивой! Потому что мужчина любит глазами!

— Где и когда мне быть красивой?! По метро на каблуках бегать? Или в минус 20 на базаре стоять в юбке?! Что за херню ты несёшь?! Или когда я в 5 утра на базар на своём горбу всё тащу?! Тогда мне быть красивой?! Хоть бы ты мне уже помогал! Твоя зарплата— это один раз на базар за продуктами сходить и ничего больше! Свинья ж ты бессовестная! Когда машину тебе новую покупали ты ж мне что обещал? И с завода же брали, чтоб же ж не ломалась! А теперь вон оно что!

— На машину себе я заработал! Это моя машина! И у меня своя работа есть! Мне на себя своей зарплаты всегда хватит! А в вас вваливать свои деньги я не собираюсь!— скрутил папа кукиш и сунул маме под нос.—Поняла?

— Поняла…

— И позориться и на базаре стоять с фарцовкой я не буду! Я в этом городе всю жизнь живу! Мне такая стыдобища ни к чему! Поняла?! И все знают, что я работаю на железной дороге! И я машинист! И скоро буду старшим! Карьерный рост у меня!

— Вот брошу семью обеспечивать и посмотрим на твой карьерный рост. Ты меня доведёшь. Честное слово. И уже скоро.

И приблизительно так через день и каждый день. Не с утра, так к вечеру.

К тому же, дома по прибытию мамы из очередной поездки и когда Юля была у бабушки, стали обнаруживаться вещи женского гардероба— то трусы под кроватью, то бюстгальтер под подушкой; или косметика, которая не мамина; или следы жизнедеятельности разнообразных дам— кровь в постели и пятна от биологических жидкостей, женские гигиенические прокладки в мусорном ведре, волосы по всей квартире и постели, то белые, то чёрные, то модный махагон. И стали пропадать вещи, привезённые на продажу— и одежда, и обувь, и моднющие, блестющие и дорогущие колготки с лайкрой, и бельё, и посуда. Это значило только одно— папа не стеснялся приводить гостей в отсутствие семьи и щедро одаривал приглашённых дам, ну или они самостоятельно одаривались. Папа нагло отрицал всё.

У знакомых при похожих условиях, глава семьи, обладая заурядной внешностью, повышенным сексуальным потенциалом, пониженной гражданской ответственностью и, видимо, полным отсутствием мозга в черепной коробке, как доблестный добытчик добыл семье гонореи, прям настоящая Neisseria gonorrhoeae. Поделился с законной супругой. И хитрым бытовым способом с двумя малолетними дочерьми. (Хочется верить, что именно бытовым.) И дружненько, всем семейством, заехали пожить в Кожно-венерологический диспансер на 3 недели.

Эту информацию Юле во всех подробностях поведала мама и снабдила дополнительной в виде справочника по венерическим заболеваниям с цветными картинками, предназначенным для медицинских работников. Который и был прочитан от корки и до корки.

Дочери потом ещё долго мерещились пузырьки и папуллы, твёрдые шанкры с мягкими, провалившиеся носы и выгнившие челюсти, трепонемы и гонококки с трихомонадами. Руки теперь мылись бесконечно, папины вещи и полотенце обходились стороной, как собственно, и сам папа.

В один день мама снова приехала из Москвы и спросила мужа:

— Серёж, а сколько ты раз помыл голову за эти три дня?

— Один.— не ожидая подвоха ответил папа.

— Ага.— сказала мама.— А ребёнок был у бабушки. Кто же у нас тут намывался? А? Я тебе 100 раз говорила! Не таскай домой своих шлюх! Вези их в посадки! По кустам! В машине! В баню! К родителям своим вези! Домой только не таскай! Шампунь был полный! Это ж какая-то тварь пришла сюда не в первый раз и уже с пузырьком! Туда и налила! Кто эта тварь?! Я ей все патлы поповыдергаю, чтоб мыть нечего было! Сколько это ещё будет продолжаться?!

— Знаешь что, Валя?— поджал губы папа и сжал кулаки.— Это и моя квартира тоже. И я! Могу! Приводить! Сюда! Кого! Угодно! Поняла?!

— Ты вообще уже что ли с ума сошёл?— опешила мама.

— А тебе если не нравится, то забирай свою толстожопую дочечку и проваливайте отсюда. Ясно тебе? Я хочу жить как Я хочу! А не на вас оглядываться! Поняла? Ты, тварина, поняла меня?— и ударил маму в лицо.

Юля в истерике кинулась на отца с кулаками, но он легко отшвырнул её в сторону и ушёл, хлопнув дверью.

Эта мамина поездка стала последней. Она обосновалась дома, чтобы заниматься домашними делами и воспитанием дочери.

15

Пятый класс начался со смены классного руководителя. Дети ревели крокодильими слезами прощаясь с любименькой Натальей Владимировной.

— Цыплятки мои дорогие!— обнимала она каждого, украдкой подтирая и свою подтёкшую тушь.— Не плачьте! Всё будет хорошо! Зайчатки, я не смогу вам дать всё, что будет нужно в дальнейшей учёбе! Так нужно. У вас будет хороший классный руководитель! Я его очень хорошо знаю. Пётр Павлович хороший педагог и очень приятный человек. Вы обязательно подружитесь! Я вам обещаю! Вы же мне верите?

Дети шмыгали носами и кивали.

На школьной праздничной линейке к стоящим в рядочек уже пятиклашкам подошёл невысокий, смуглый, лысый, худощавый и гладковыбритый мужчина лет 45. Слегка смахивающий и на Владимира Ильича и на Кощея Бессмертного одновременно. На прям обещанно «хорошего» было вообще не похоже. Дети насторожились.

— Доброе утро. Меня зовут Пётр Павлович. Я ваш классный руководитель.— сухо представился он и встал в начале шеренги.

Дети сквозь слёзы смотрели в спину уходящей к своему новому классу нарядной Наталье Владимировне.

Пётр Павлович преподавал историю, черчение и труды для мальчиков. Методы преподавания были непривычными.

— Таким образом, во время правления Ярослава Мудрого…— прервался на полуслове Пётр Павлович, взял мокрую тряпку для доски и точным броском швырнул на заднюю парту второго ряда, где мальчишки увлечённо что-то обсуждали.— Были установлены новые политические, а так же культурные традиции.

Мальчики, склонившие друг к другу головы, отпрянули от неожиданности, грохнули стулья, а потом один из визави ещё и выпал в проход, а весь класс засмеялся.

Ещё у Петра Павловича была длиннющая указка, которая доставала до третьей парты и он любил нею щёлкнуть прямо перед носом зазевавшегося ученика.

Очень быстро выяснилось, что новый учитель вполне себе дружелюбный гражданин, называл свой класс «детками», никогда не повышал голос, всегда был спокоен и сдержан, в каких-то конфликтах занимал сторону своих детей даже если кто-то был не очень-то и прав, потом тет-а-тет проводил беседу. Другие учителя называли Петра Павловича за глаза при его классе «папкой».

— Вот я вашему папке пожалуюсь, что вы изложение плохо написали!— говорила улыбаясь Нина Ивановна, учитель русского языка и литературы.— Он вам всыплет по первое число! А, кстати, вы знаете откуда пошло выражение «всыплет по первое число»? В царской России детей в школах пороли для профилактики в первых числах месяца даже без провинности и считалось, что пока следы от розги не зажили, то ребёнок будет послушным, помня о наказании. До следующего первого числа месяца. Это самое глупое, конечно, что можно придумать— бить детей! Но такое было. И, к счастью, это история. Которую мы будем помнить, но не будем повторять. Так. Открываем учебники на 23 странице и сегодняшняя наша тема «Главные и второстепенные члены предложения.»

У Юли, как и у всего класса, сложились вполне доброжелательные отношения с новым педагогическим составом. Но не всё было гладко.

С началом же 5 класса у Юли начались серьёзные проблемы с математикой. В начальной школе всё было относительно хорошо, но теперь с алгеброй и геометрией получалось полное фиаско и в Юлиных оценках и с педагогическим авторитетом учителя, завуча школы, Татьяны Яковлевны.

Татьяна Яковлевна. Полная, крупная, высокая женщина, с короткой стрижкой и химической завивкой крашенных в красный цвет волос, всегда с ярким макияжем, крупными золотыми украшениями, всегда в тёмном костюме и белой блузе. Она обладала невероятно громким голосом. При открытом по случаю жары кабинете, её бас был слышен на другом конце немаленького коридора, а если она повышала голос, то алгебре внимала, пожалуй, и вся школа разом вместе с пришкольным стадионом.

Юля боялась Татьяну Яковлевну до дрожи в коленях и потных ладошек. Татьяна Яковлевна же, поняв, что ученица отчаянно «плавает» в темах, начала уделять ей особое внимание и спрашивать с пристрастием практически на каждом уроке, посыпались «двойки» одна

за другой. Уроки были полнейшим стрессом и для Юли, и для класса, которому приходилось, превозмогая свои человеческие силы, выносить децибелы голоса учительницы, и для самой Татьяны Яковлевны, педагогический талант которой из урока в урок терпел полнейший крах.

— Да сколько ж можно?! Я вчера объясняла эту тему! Ты сидела и кивала! Каждый урок! Каждый божий день мы с тобой начинаем как с чистого листа! Какого… — осеклась Татьяна Яковлевна на секунду в своём праведном гневе.— Почему сегодня я снова бьюсь как в закрытую дверь? Все! Ну, все же поняли! Только ж тебе непонятно и Бахрузу! Бахрузу ещё пока простительно! Он только три месяца живёт в России! Ты же!!! Я же по-русски объясняю! Это же элементарное!!! Что ты будешь делать дальше если сейчас не можешь сложить один плюс один! Что ты будешь делать с логарифмами и сложными уравнениями?! Дальше же только сложнее! Ты тупая?! Вот, скажи мне, пожалуйста! Ты тупая?! Если да, то подойди и скажи: «Татьяна Яковлевна, я тупая.», я тебе поставлю «два» в году и пойдёшь к себе подобным в «вечернюю школу»! Почему из-за тебя весь класс должен слушать из раза в раз то, что всем давным-давно понятно?! Почему я, как попугай, должна повторять одно и то же! Выучи! Просто выучи! И иди в следующую тему, помня о предыдущей! Что в этом сложного?! Я перед уроком в вашем классе пью валерьянку! Я только тебя в школе вижу и меня уже трясёт от одного только твоего вида! Ты меня до кондрашки доведёшь!!!

Юля молча стояла за своей партой и смотрела в точку за спиной учительницы, иногда подтирая слёзы.

— Что ты плачешь? Просто выучи! И всё!!! Даже достаточно внимательно прочитать! Да просто послушай меня! Этого даже будет достаточно!

Систематические «двойки» не остались незамеченными и классным руководителем. Пётр Павлович сходил на разговор к Татьяне Яковлевне. Татьяна Яковлевна собрала педагогический совет из ведущих класс преподавателей. Выяснилось странное— обычная ученица, как все, где усидчивая, где нет, по всем предметам твёрдая «четвёрка» и «пятёрка» тоже частая гостья в дневнике. Учитель русского языка и литературы в восторге от любознательности и активности, учитель истории в принципе в восторге от своих детей, учитель биологии тоже отмечает активность на уроках, лени и отставании в развитии не замечают никто… И таким образом, проблемы с ученицей только у Татьяны Яковлевны.

О прошедшем педсовете Юле рассказала Татьяна Яковлевна, пригласив в свой кабинет. После очень долгой беседы в дневнике появилась запись: «Прошу родителей явиться в школу по вопросу обучения. Завуч. Фамилия. Каб.37.»

Вечером родители обсуждали эту тему.

— Вот такие дела.— подытожила мама.— В школу вызывает учитель математики. Завуч. Мои родители сроду в школу не ходили. Ни разу за 10 лет! А уж математика… Что сложного? Запомни правило и пользуйся!

— У меня «четвёрки» были.— сказал папа.

— Ой, сиди уже. Я твой аттестат видела. Одни «тройки»!— рявкнула мама.— Вот и она, похоже, в тебя пошла! Такая же! Это же какой непроходимой тупицей нужно быть, чтобы в пятом классе не понимать математику? У меня в институте высшая математика была! И

нормально! На «пятёрку» сдала экзамен! А ты что? Ты совсем дура? Не догоняешь? Или Барби тебе твоя мешает нормально уроки учить? Или книжки твои дурацкие? Сказки она всё читает! Математику учи, дебилка!

Мама поорала пока ей не надоело, похлестала дочь по «наглой и бессовестной морде» дневником и зарёванную отправила спать.

Наутро отправились в школу вдвоём.

— Здравствуйте, Татьяна Яковлевна.— заглянула мама в кабинет.— Я мама Юли. Вы меня вызывали.

— Проходите. Здравствуйте.— кивнула Татьяна Яковлевна и вопросительно посмотрела.

— Валентина Петровна.— поспешно представилась мама.

— Присаживайтесь.— отложила из рук какую-то папку и ручку.— Юля, иди на уроки.

Юля ушла, а мама уселась.

— Валентина Петровна, у меня к вам необычный разговор. Я всю ночь думала как это говорить и в какой последовательности. И не придумала. Буду говорить как в голову приходит. Вы следите за оценками дочери?

— Слежу.— кивнула мама.

— Мы с Юлей вчера разговаривали. Вам, может, на работу? У вас достаточно свободного времени?

— Достаточно. Продолжайте, пожалуйста.

— Я преподаю без малого 40 лет. Я видела много учеников за это время. И младше, и старше, и студентов. Так вот. Поначалу я думала, что не могу донести до Юли смысл моих слов… Не теми словами объясняю урок. Понимаете? Подбирала разные. В классе 31 человек. Понятно всем, но не ей. То есть, пока я объясняю, она делает. Выходит к доске и делает. Домашнее задание будет сделано. Отдельный разговор— как. Следом контрольная или вызов к доске через день— и конец. Как будто она вообще первый раз видит этот пример или уравнение. Ладно. Я возвращаюсь к этой теме со всем классом. Опять всё хорошо. Контрольная или доска— снова та же история. Потом я стала думать, что она надо мной издевается! Просто сидит и прикидывается глупой! Не знаю зачем. Такое тоже бывает. Она не издевается. Дети, которые получают удовольствие от садизма, морального или физического, ведут себя не так. Потом я решила, что она просто глупая, с особенностями развития может… Я собрала педсовет. И снова мимо. Учителя её хвалят, иногда бывает неусидчивой, обычно после физкультуры, перевозбуждение нервной системы влечёт за собой физическую активность. Это вообще нормально. Я постоянно говорю о том, что физкультура должна быть последним уроком. Ладно. Далее. На уроках, если ей интересно, всегда есть что сказать. Нина Ивановна, учитель русского языка и литературы, вообще не нарадуется. А она, между прочим, из семьи потомственных педагогов, уже пенсионерка тоже, но очень даже со светлой головой. Не заподозришь в

непонимании детей, их психологии и умственных способностей. И всем остальным учителям всё нормально. Я поговорила с самой Юлей. И вот что я вам скажу, дорогая мама Валентина Петровна… Простите, что так долго говорю. То, что она делает с математикой— уму человеческому непостижимо. У неё своё понимание мира. Вот… Просто своё. Она учит правило, теорему, она проговаривает, но это никак не соотносится с её представлением. У вас как с математикой?

— Хорошо.— настороженно ответила мама.

— Сколько будет: два разделить на ноль целых и пять десятых?

— Четыре.

— И у меня четыре. И у всех четыре. А у Юли— один. Просто единица.

— Почему?— удивилась мама.

— А я вам расскажу!— потыкала пальцем в сторону мамы Татьяна Яковлевна и тут же спохватившись убрала руку.— Извините. Я спрашиваю у неё: «Почему единица? Как ты считала?!», а она мне: «Если мы делим, то число должно стать меньше. Ноль целых пять десятых— это половина. Половина от двух— это единица.» Приехали. Но логично же! То есть, в её голове это так! Она может запомнить, что два разделить на ноль целых пять десятых получится четыре, но принять не может. И запомнить все числа на свете и что получается при математических действиях тоже. И никто не может. Это вопросы математики. Она, как раз, для этого. Дальше. Говорю: «На ноль делить нельзя.», она мне: «Почему?». Я объясняю, что деление на ноль даёт бесконечный и бессмысленный результат. Привела примеры. Она мне: «Но это же неправильно. Откуда здесь бесконечность? Почему бессмысленность? Ноль— это ничего. Просто ничего. Граница между положительными и отрицательными числами. И если разделить на ноль, то число не должно измениться. Так же и при умножении. Почему ноль можно прибавить или вычесть и число не меняется, а если умножить, то само становится нулём? А делить так вообще, видите ли, нельзя… Число же просто останется неразделённым. Глупость какая-то…» Представляете?

— И что с этим делать?— упавшим голосом спросила мама.— Спецшкола? Интернат для… Таких детей?

— Нет-нет-нет! Слушайте дальше. Это ещё не всё. Ещё ж есть геометрия. У неё плоская проекция мира. Двухмерное измерение. Я не знаю как это, но для неё окружность, круг и шар — это одно и то же. Как и с остальными геометрическими фигурами. Вообще нет понимания объёма и глубины. Говорю: «Нарисуй схематично пирамиду.» Она рисует мне треугольник. Рисую я. Она мне: «Вы же сказали, что схематично нарисовать нужно. Это же одно и то же, но я нарисовала схематично.» А оно не одно и то же! Интересно как будут складываться её отношения с другими точными науками. И что будет на черчении… Потому как для неё разлёт в чертеже на полметра— вполне себе норма. Утрирую, конечно.

— Ужас… — пробормотала мама.

— Но есть и ещё кое-что… Такое я уже слышала в своей жизни.

— Боже! Что ещё?!

— Вы знаете о том, что круг жёлтого цвета, прямоугольник зелёного, а треугольник красного?

— Что?!— удивилась мама.

— Именно. Четверг, цифра четыре, осень и комод— это одно и то же? И оно коричневое. Какао туда же.

— Я сейчас вообще не поняла вас. Это она говорит? Так нам не в школу нужно ходить, а в психушку?!

— Нет. Это ассоциативное мышление. Её способ понимания мира. И всё. Вы разговариваете с дочерью?

— Да. Конечно.

— Поговорите на эту тему с ней. Узнаете много интересного для себя. И ещё. Я знаю вашу дочь с другой стороны нежели вы и разрешите дать вам совет в воспитании. Он вам очень поможет. На неё совсем нельзя давить. Она сжимается как пружина и куда эта пружина выстрелит, а она выстрелит, не угадает никто. И в этот момент совершенно непонятно что в её голове. Я орала на неё. Было дело. Я уже попросила прощения. Она сжимается, пустой взгляд. Она не убегает и не защищается. Это тревожный звоночек в психике. У вас дома всё хорошо?

— Да. Всё нормально. Двухкомнатная квартира, у Юли своя комната, в достатке еда, одежда, отдых, книг полно, много читает, у нас полная семья, муж работает, я домохозяйка. Бабушки и дедушки. Всё спокойно и как у всех. Не без того, конечно, случаются и ссоры, и голос повышаем… Но в целом, всё хорошо.— ответила мама и на этом попрощались с Татьяной Яковлевной.

Мама пришла к кабинету истории, заглянула в класс, попросила дочь на 5 минут, затащила под лестницу на первом этаже и надавала тумаков, пообещав дома прибить.

16

Вечер получился запоминающимся.

Вечером пришёл с работы папа и началось.

— Идиотка тупорылая!— орала мама, пока уже зарёванная дочь стояла лицом к стене на коленях, на полотенце на котором была рассыпана крупная соль.— Дебилка! Ты что о себе возомнила? Ты кто такая, что завуч ради тебя, лярвы, педсовет собирал? А?! Или ты думаешь, что им, взрослым людям, заняться больше нечем кроме как тебя, дуру, обсуждать?! Что ты о себе думаешь? Скотина! Я сидела и за тебя краснела! Как у меня! Медалистки! Могла получиться такая чума?! Ненормальная!

— Всё не как у людей.— поддакивал папа.

— Что за ерунды ты наговорила Татьяне Яковлевне?! Какое какао с четвергом и комодом?! Конченная! Тупица непроходимая! Привыкла, тварина, что нянчатся все с ней всю жизнь и в жопу её целуют! Что ни захочет, то всё дадут! «Сникерсы» с Барби пихают в сраку! А она! Мразь такая! Не может сраную алгебру с геометрией выучить! У тебя работа такая— нормально учиться! Поняла меня? Сама всю жизнь пришибленная и книжки эти дебильные читает бесконечно! Совсем уже умом тронулась! В психушку сдам! Выкину к херам все твои книжки, раз тебе из-за них некогда уроки учить!

Мама сбегала в кладовку за дорожной сумкой и начала как попало швырять в неё художественную литературу с книжной полки.

— Выкину всё к чёртовой матери! Пусть бомжи на помойке этот бред читают! У тебя одна математика будет! Сплошная и бесконечная! Чтобы ты круг от окружности отличала!

Когда дошла очередь до библиотечных книг, а их Юле уже давали из читального зала под честное слово вернуть к конкретному сроку, иногда на следующий день, то Лярва вскочила на ноги и попыталась вырвать из рук матери томик «Айвенго» Вальтера Скотта, понимая, что следующей будет зоологическая энциклопедия, которую нужно принести в субботу.

— Это библиотечные!— захлёбываясь слезами защищала дочь самое дорогое.

— Ах ты сука!— заорала ещё громче мама.— Из рук ты у меня смыкать будешь! Я тебе подруга что ли, чтобы так себя вести! Нахалка!— дёрнула книгу на себя, вырвав из рук дочери, размахнулась и плашмя ударила ею по лицу.— Дрянь! Наглая какая! Тварь какая выросла!

— Тебе вставать кто разрешил?— подключился папа и за шкирку дёрнул в сторону полотенца с солью, подбил под голени и поставил на колени снова.— Вообще нет никакого уважения к родителям! Тебе сказали стоять! На коленях стоять! Как поставили! Скотиняка!

— В школе так себя будешь вести! Из рук выдёргивать! Тебя там мигом манерам научат! Сразу тебе рожу твою наглую разобьют! Это мы тут с тобой цацкаемся! А больше никто тебя терпеть не будет!

Лярва ревела на своём полотенце от боли и обиды, мама причитая о горестях, которые приносит ей дочь, собрала все книги в сумку и поставила под порог со словами: «Завтра выкину.»

— Вставай. Иди своё рыло мой и ложись спать. Так чумная, а ещё будешь завтра как сонная курица по школе лазить. Проси прощения.

Просить прощения чёрти за что Лярва была приучена уже давно. Достаточно было сказать: «Прости меня, пожалуйста. Я больше так делать не буду.» Фраза проговаривалась по требованию родителей уже автоматически, смысловой нагрузки не несла, воспитательный эффект имела нулевой. Родители считали иначе.

Вообще, у Лярвы к её 11 годам уже было много полезных привычек, привитых родителями. Например, на вопрос: «Что купить?», дочь неизменно отвечала: «Спасибо большое.

Ничего не нужно. Всё есть.» Вполне хватило случая, когда в раннем детстве, зайдя с мамой в магазин игрушек и услышав вопрос, показала рукой на копеечную игрушку— двух смешных пушистых шариков с лапами и глазами. Игрушку, конечно, не купили. Но дома был скандал.

— Ты вообще думаешь что-нибудь, когда что-то требуешь?— орала мама.— У тебя игрушек мало? Ты зачем ставишь меня в неудобное положение? А вдруг бы у меня денег не было? И я бы не купила! А все вокруг бы смотрели и думали, что я— плохая мать и зажала купить ребёнку игрушку! А она тебе просто не нужна! У тебя дома их полным-полно! Твоё дело— закрыть свой рот! И никогда ничего не просить! Твоё дело— «Спасибо. Большое! Дорогие родители. У меня всё есть и я ни в чём не нуждаюсь.» Поняла меня, дрянь нахальная?!

Но как восхищались окружающие воспитательными трудами родителей! Словами не передать.

— Какой воспитанный ребёнок! Стоит себе спокойненько. Спросили: «Что купить?», а ей ничего и не надо. Прелесть просто! Такая скромная! Моя же! И не спросишь, так сама скажет. И покажет. И стребует! И купишь. И на последние деньги тоже. А эта ж… Золото, а не ребёнок. Не слышно её и не видно.

Лярва в это время всегда думала: «То вы бить не пробовали.»

— У нас японское воспитание.— неизменно, с гордостью и с широкой улыбкой отвечала мама.— Наш ребёнок никому и никогда не приносит никаких неудобств.

17

Лярва пошла в школу на следующий день с чётким и незыблемым выводом: «Никому и ничего нельзя говорить. Потому что это всегда, при попадании информации в руки матери, обернётся против себя самой. Лишь бы она ничего не знала.» С этого же дня дневник начал регулярно «забываться» дома и в нём закончились все оценки. Мама поначалу орала, потом ходила в школу узнавать почему их нет, потом ей надоело и она знала об оценках дочери по предметам только на родительском собрании.

С Татьяной Яковлевной установилась негласная договорённость. Она говорила в конце урока: «Что-то давно Юлю я к доске не вызывала. Ну, сегодня уже некогда. Завтра.», Лярва была готова отвечать на следующий день и получала свою неизменную «четвёрку». Но продолжалось недолго. Майским ранним утром Татьяна Яковлевна скоропостижно умерла от инфаркта. Некоторые одноклассники, разной степени успеваемости, даже порадовались. Юле было очень жаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.